

Книга, которую обязательно следует прочитать.
Sunday Express

ДЖУЛИАН ФЕЛЛОУЗ

Снобы

От создателя сериала
«АББАТСТВО ДАУНТОН»,
который покори́л весь мир

The Big Book

Джулиан Феллоуз

Снобы

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Феллоуз Д.

Снобы / Д. Феллоуз — «Азбука-Аттикус», 2004 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-13750-9

Эдит Лавери, красивая блондинка с большими глазами и приятными манерами, вместе с друзьями отправляется на экскурсию в Бротон-Хаус. Здесь она встречает Чарльза, графа Бротона, которого считают самым завидным женихом. Чарльз влюбляется в Эдит и делает ей предложение. Девушка соглашается. Но действительно ли она любит Чарльза? Или его титул, его положение в обществе и все, что с ним связано? Эдит старательно играет роль графини Бротон, но очень скоро размеренная жизнь аристократического дома начинает казаться ей нестерпимо скучной. А тут неожиданно в поместье начинают снимать телевизионный сериал, и она обращает внимание на красивого и вроде бы успешного актера, который гораздо ближе ей по духу и положению...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13750-9

© Феллоуз Д., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	32
Глава пятая	40
Глава шестая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Джулиан Феллоуз Снобы

Julian Fellowes
SNOBS

Серия «The Big Book»

Copyright © 2004 Julian Fellowes

The right of Julian Fellowes to be identified as the author of this work has been asserted by him in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

All rights reserved

First published in 2004 by Orion, London

© П. Щербатюк, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Милой Эмме и Перегрину,
а еще – дражайшему Микки, без которого эта книга была бы
невозможна*

Часть первая

Impetuoso-Fiero

Глава первая

Не знаю, как вышло, что Изабел Истон свела знакомство с Эдит Лавери. Вероятно, у них был общий знакомый или они вместе заседали в каком-нибудь благотворительном обществе, а может быть, просто ходили в одну парикмахерскую. Но я помню, что довольно давно, буквально с самого начала, по какой-то причине Изабел решила, что Эдит – это такая немного необычная особа, обществом которой можно гордиться и понемногу угощать ею своих соседей из ближних поместий. Последующие события, конечно, подтвердили ее правоту, но когда я впервые встретил Эдит, ничто не предвещало ее большого будущего. Эдит, вне сомнения, уже тогда была весьма привлекательна, но все же не настолько, насколько она стала хороша позже, когда, как говорят модельеры, нашла свой стиль. Она была превосходным образчиком своего типа: светловолосая англичанка с приятными манерами.

Я знал Изабел Истон с раннего детства, мы вместе росли в Гемпшире и с тех пор поддерживали ту уютную нетребовательную дружбу, основу которой может составить только давнее знакомство. У нас было очень мало общего, но мы по пальцам могли сосчитать людей, которые помнили нас, когда нам было лет по девять и мы еще катались на пони, а потому время от времени нам приятно было встретиться. После университета я стал актером, а Изабел вышла замуж за биржевого брокера и переехала в Суссекс, так что наши пути редко пересекались. Мы жили в разных мирах, но Изабел льстило то, что к ней иногда заезжает на пару дней актер, которого показывают по телевизору (хотя так уж сложилось, что никто из ее друзей фильмов с моим участием не видел), а что до меня, то мне иной раз было приятно провести выходные с подругой детских игр.

Я оказался в Суссексе и в тот раз, когда Эдит впервые приехала к ним погостить, и могу свидетельствовать, что Изабел с большим энтузиазмом встречала свою новую подругу, пусть даже некоторые из наименее великодушных ее знакомых и отрицали это впоследствии. И радость ее была неподдельной: «Эту девушку ждет необычное будущее. В ней что-то есть». Изабел любила выражаться так, будто ей доступно некое тайное знание устройства мира. Я вспомнил эту ее фразу полчаса спустя, когда Эдит выходила из машины. Казалось, милостивая внешность и мягкое обаяние – это все, что у нее есть, но я склонен был согласиться с нашей хозяйкой. Если сейчас оглянуться назад и задуматься, то некий намек на то, что должно было вскоре произойти, можно было усмотреть в форме ее губ. Рот Эдит был безукоризненно правильный – четко очерченные, скульптурно вылепленные губы, напоминающие о кинозвездах сороковых годов. И еще – ее кожа. Англичане, как правило, вспоминают о коже в тех случаях, когда уже совершенно нечего больше похвалить. О хорошем цвете лица зачастую подолгу разглагольствуют, к примеру, когда речь заходит о тех членах королевской семьи, кому менее прочих повезло с внешностью. Что бы там ни говорили, у Эдит был самый восхитительный цвет лица, какой мне доводилось видеть: прохладные, чистые, пастельные тона словно под тонким и безупречно гладким слоем воска. Всю жизнь я питал слабость к красивым людям, и мне кажется, я стал на сторону Эдит в тот самый миг, когда впервые залюбовался ее лицом. В любом случае Изабел суждено было стать одним из тех пророков, что сами претворяют в жизнь собственные предсказания, потому что именно она отвезла Эдит в Бротон.

Бротон-Холл, да-да, тот самый дом Бртонов, был той незаживающей раной, что отравляла жизнь Истонов в Суссексе. Сперва бароны, затем – графы Бртоны, а позже, с 1879 года, – маркизы Акфилдские. Бртоны царили в этой части Восточного Суссекса намного дольше, чем большинство знатных фамилий ближайших к Лондону графств. Еще лет сто назад их соседи и вассалы, скромные фермеры, кое-как перебивались скудными плодами

равнинной и болотистой земли у подножия холмов, но автомобильные и железные дороги, а также появление возможности работать в городе, а выходные проводить за городом привели сюда толпы нуворишей, и, как Байрон в свое время, Бротоны однажды утром проснулись знаменитыми. И очень скоро, для того чтобы принадлежать к высшему свету, той или иной семье просто необходимо было значиться в списке гостей Бротон-Холла. По совести говоря, эта семья не искала известности, по крайней мере сначала, но, будучи самыми заметными аристократами в этой стремительно обогащающейся местности, они не могли уйти от своей судьбы.

Им повезло не только в этом. Два брачных союза – один с дочерью банкира, другой с наследницей значительной части Сан-Франциско – помогли семейному кораблю Бртонов пересечь бурное море сельскохозяйственной депрессии и Первой мировой войны. В отличие от многих подобных родов, они почти полностью сохранили свою лондонскую недвижимость, а разнообразные манипуляции с собственностью в шестидесятые вынесли их к сравнительно безопасным берегам тэтчеровской Британии. Затем, когда социалисты и вправду начали пересматривать свои взгляды, они, к счастью для всех представителей высших классов, получили новое рождение и стали Новыми лейбористами, оказавшись значительно сговорчивее своих алчных политических предшественников. В общем, Бртоны представляли собой живой пример уцелевшей английской аристократической семьи. Они достигли 1990-х, практически не утратив ни престижа, ни – что еще важнее – своих владений.

Не то чтобы Истонам претило богатство или знатность Бртонов, напротив, они боготворили своих родовитых соседей. Нет, вся беда была в том, что хотя они и жили всего в двух милях от Бротон-Холла и сколько бы Изабел ни говорила подружкам за ланчем на Уолтон-стрит, как им повезло – живут буквально по соседству, но за три с половиной года Истонам так и не удалось ни ступить на эту благословенную землю, ни познакомиться с кем-нибудь из членов семейства.

Конечно, Дэвид Истон не первый представитель верхушки среднего класса, обнаруживший, что в Лондоне поддерживать иллюзию аристократического происхождения значительно проще, чем среди жителей сельских поместий. Беда была в том, что, много лет обедая в клубе «Брукс», проводя вечера в «Аннабелс», посещая скачки по субботам и во всеуслышание заявляя о своем неприятии современного, «мобильного» общества, он совершенно упустил из виду, что и сам является плодом этого общества. Такое впечатление, будто он забыл о том, что его отец был управляющим на небольшой мебельной фабрике где-то в центральных графствах и родителям не без труда далось его обучение в Ардинггли¹. Ко времени нашего знакомства, мне кажется, он бы искренне удивился, если бы не нашел своего имени в «Дебретте»². Как-то мне на глаза попала статья, в которой Родди Ллевелин жаловался на то, что ему не довелось учиться в Итоне (в отличие от его старшего брата), а ведь именно в Итоне человек находит себе друзей на всю жизнь. В этот момент мимо моего кресла проходил Дэвид. «Очень верно, – сказал он. – Не могу не согласиться». Я оглянулся, чтобы перехватить взгляд Изабел, но по тому, с каким сочувствием она кивнула, понял, что она не разделяет моей иронии и полностью поддерживает мужа.

Со стороны порой кажется, что для брака жизненно важно, чтобы супруги разделяли иллюзии друг друга. Обычно Дэвиду ничего не грозило благодаря удачному сочетанию доброты Изабел и безразличия лондонских салонных львиц, которым все равно, о чем говорят их гости, лишь бы они были в состоянии поглощать выставленную на стол еду и поддерживать беседу. Однако ему бывало по-настоящему мучительно больно, когда на званом ужине его начинали расспрашивать о последнем путешествии Чарльза Бртона в Италию или о

¹ Привилегированная частная средняя школа. – Здесь и далее примеч. перев.

² Ежегодный справочник дворянства, издается с 1802 года.

том, удастся ли новому мужу Кэролайн прижиться в семье, а Дэвиду в ответ приходится бормотать, что он с Бротонами не слишком близко знаком.

– Удивительно, просто невероятно, – немедленно следовал ответ. – А мне казалось, вы соседи.

Но, даже утверждая, что не слишком близко знаком с Бротонами, Дэвид кривил душой. Он был с ними совсем незнаком.

Однажды, на коктейле на Итон-сквер, он высказался об этом семействе, а в ответ услышал:

– Смотрите, вон там – это же Чарльз! Вы просто обязаны меня ему представить. Посмотрим, вспомнит ли он, где мы встречались в прошлый раз.

И Дэвиду пришлось сказать, что ему нехорошо (что более-менее соответствовало истине), поехать домой и пропустить блестящий ужин, на который компания отправлялась в полном составе. В последнее время у него вошло в привычку принимать этакий слегка пренебрежительный вид, когда речь заходила о Бротонах. Он не участвовал в беседе, и его молчание было громче любых слов, как будто именно он, Дэвид Истон, предпочел бы не завести знакомства с этой семьей. Будто он уже пробовал их и они пришлись ему не по вкусу. Хотя в действительности все обстояло ровно наоборот. Отдавая Дэвиду должное, я обязан сказать, что все эти неутоленные светские амбиции оставались для его сознания такой же тайной, какой они должны были оставаться для нас. Или, по крайней мере, мне так казалось, когда я наблюдал, как он застегивает свое пальто из «Бабур» и свистом подзывает собак.

А потому неудивительно, что только Эдит могла предложить съездить в Бротон-Холл. Изабел спросила нас за завтраком в субботу, чем бы мы хотели заняться, а Эдит поинтересовалась в ответ, нет ли поблизости какой-нибудь местной «величественной твердыни», а если есть, то, может быть, туда и съездить? Она посмотрела на меня.

– Я не против, – отозвался я.

Я заметил, как Изабел бросила взгляд на Дэвида, с головой ушедшего в «Телеграф» на том конце стола. Я знал о ситуации с Бротонами, и Изабел знала, что я знаю, хотя, будучи англичанами, мы, естественно, никогда это не обсуждали. Так уж вышло, что я пару раз встречал Чарльза Бротона, не блещущего сообразительностью увальня, в Лондоне, на этих чудовищных вечерах, где шоу-бизнес и общество сходятся, но, как это случается при слиянии двух рек, редко смешиваются. Это мимолетное знакомство я держал в тайне от Изабел, не желая сыпать ей соль на рану.

– Дэвид? – произнесла она.

Он перевернул страницу широким, исполненным безразличия жестом:

– Езжайте, если хотите. Мне еще надо в Льюис. Саттон опять потерял крышку от бензобака газонокосилки. Ест он их, что ли.

– Я могу заняться этим в понедельник.

– Не стоит. Мне все равно нужно еще пару картриджей. – Он посмотрел на нее. – Нет, правда, ты поезжай.

В его взгляде читался упрек, Изабел в ответ состроила такую мину, будто ей выкручивают руки. А дело было в том, что между ними существовало молчаливое соглашение не появляться в этом доме в качестве обыкновенного посетителя с билетами в руках. Сперва Дэвид избегал этого, потому что рассчитывал вскорости узнать семейство поближе и ему не хотелось рисковать, – первая встреча ни в коем случае не должна была произойти при неудачных обстоятельствах. Но проходили месяцы, годы, и непосещение этого дома постепенно стало чем-то вроде принципа, как будто Дэвид не хотел давать Бротонам возможности злорадствовать, увидев, как он платит немалые деньги за то, что по праву причитается ему бесплатно. Но Изабел была прагматичнее мужа – женщины вообще прагматичнее мужчин, – и она постепенно сжилась с мыслью, что им предстоит занять подобающее место в

этих краях с некоторым запозданием. И теперь ей было просто любопытно своими глазами увидеть владения, ставшие символом непрочности их собственного положения в обществе. Особенно уговаривать ее не пришлось. Втроем мы погрузились в «рено» не первой молодости и отправились в путь.

Я спросил Эдит, много ли она знает о Суссексе.

– Не очень. У меня одно время был друг в Чичестере.

– Это модный уголок.

– Правда? Я не знала, что у графств одни уголки моднее других. В этом есть что-то американское. Как хорошие и плохие столики в ресторане.

– Вы знаете Америку?

– Я прожила несколько месяцев в Лос-Анджелесе после школы.

– Зачем?

Эдит рассмеялась:

– Почему бы и нет? Зачем люди едут куда-то в семнадцать лет?

– Я не знаю, зачем ехать в Лос-Анджелес. Чтобы стать кинозвездой разве что.

– А может, я и хотела стать кинозвездой. – Она улыбнулась мне с едва уловимой грустью (позже я понял, что это очень характерное выражение ее лица), и я заметил, что глаза у нее не голубые, а скорее дымчато-серые.

Мы свернули на широкую, усыпанную гравием дорожку, проехав между двумя каменными колоннами, увенчанными свинцовыми оленьими головами – с рогами, все как полагается. Изабел остановила машину.

– Потрясающе, не правда ли! – сказала она.

Перед нами возникли внушительные стены Бротон-Холла. Эдит восхищенно улыбнулась, и мы поехали дальше. Она не сочла дом изумительным, да и я тоже, хотя в своем роде он производил впечатление. В любом случае он был очень большой. Казалось, его спроектировал предшественник Альберта Шпеера, родом из XVIII века. Основную часть здания, гигантский гранитный куб, соединяли с двумя кубами поменьше приземистые и громоздкие колоннады. К сожалению, кто-то из Бротонов в XIX веке окна с частыми переплетами заменил на большие окна с зеркальными стеклами, и теперь дом слепо смотрел на парк. По углам дома высились четыре купола, как наблюдательные вышки в концентрационном лагере. В целом здание не столько дополняло вид, сколько загромождало его.

Машина остановилась, довольно хрустнув гравием.

– С чего начнем, с дома или с сада? – Изабел, как советский военный инспектор, попавший на военную базу НАТО в разгар холодной войны, была намерена ничего не упустить.

Эдит пожала плечами:

– А в доме есть на что смотреть?

– Непременно, – твердо отозвалась Изабел и уверенно направилась к входу, и мы покорно последовали за ней.

Массивная, изогнутая подковой гранитная лестница вела в парадные помещения.

Одной из любимейших историй Эдит навсегда останется рассказ о том, как она впервые попала в Бротон, купив входной билет, и от личной жизни обитателей ее отделял красный канат на металлических стойках.

– Хотя, – добавляла она со своей забавной усмешкой, – личной жизнью этот дом никогда не был особенно богат.

Бывают на свете дома, настолько полные духом личности того, кто их построил, и всепроникающим запахом жизней, прошедших в этих стенах, что посетитель чувствует себя то ли взломщиком, то ли призраком, исподтишка наблюдающим за жизнью обитателей, выпытывающим их секреты. Бротон не принадлежал к этому типу. От фундамента до каминной решетки и конька крыши он был создан с одной лишь целью: производить впечатление на

посторонних. И надо сказать, к концу XX века его роль совсем не изменилась. Единственная разница состояла в том, что теперь посторонние покупали билеты, вместо того чтобы подкупать экономку.

Однако современному посетителю великолепие парадных залов открывается не сразу, и холодная, сырая комната, куда мы вошли (позже мы узнали, что она зовется Нижний холл), показалась нам не уютнее пустого стадиона. Жесткие даже на вид стулья для лакеев выстроились вдоль стен, вызывая в воображении бесконечные часы ожидания, проведенные на этих стульях и наполненные неизбывной скукой. Пол был выложен стертыми каменными плитами, а посередине комнаты находился длинный черный стол. Кроме четырех грязных видов Венеции в стиле Каналетто, только похуже, на стенах больше ничего не было. Как и все остальные помещения в Бротоне, эта комната была совершенно немыслимых размеров, и мы трое чувствовали себя просителями.

Из Нижнего холла, сжимая в руках путеводители, мы поднялись по парадной лестнице, резные дубовые пролеты которой неуклюже карабкались вверх, обогнули тяжеловесную, немного депрессивную бронзовую статую умирающего раба, затем пересекли широкую верхнюю площадку и попали сначала в Мраморный зал, огромное помещение высотой в два этажа, окруженное с четырех сторон галереей. Если бы мы поднялись по внешней подковообразной лестнице, то сразу попали бы в этот зал, подавляющий своим великолепием. Оттуда мы прошли в Красную гостиную, еще одну огромную комнату, – здесь стены были оклеены тисненными малиновыми обоями, а потолок украшала тяжелая красно-коричневая лепнина, оттененная золотом.

– Чур, мне тикку из цыпленка! – воскликнула Эдит.

Я рассмеялся. Она была права: комната очень походила на гигантский индийский ресторан.

Изабел открыла путеводитель и начала читать вслух тоном учительницы географии:

– «Обои, украшающие стены Красной гостиной, сохранились со времен постройки, этим интерьером Бротон-Холл гордится по праву. Позолоченные пристенные столики созданы Уильямом Кентом специально для этого помещения в тысяча семьсот тридцать девятом году. Морские мотивы в украшенных резьбой трюмо посвящены назначению третьего графа Бротона в британское посольство в Португалии в тысяча семьсот тридцать седьмом году. В память об этом графе в гостиной, которую он считал своей любимой комнатой, находится его парадный портрет кисти Джарвиса, рядом с портретом его жены кисти Хадсона, картины расположены по обеим сторонам итальянского камина».

Мы с Эдит рассматривали картины. Портрету леди Бротон автор попытался придать некоторую живость, поместив молодую даму с тяжелыми чертами лица и крупными руками, держащими летнюю шляпу с широкими полями, на цветущий луг.

– К нам в спортзал ходит точно такая же женщина, – сказала Эдит. – Она постоянно пытается продать мне лотерейные билеты консерваторов.

Изабел продолжала бубнить:

– «Шкаф у южной стены – работы Буля, он был получен в подарок от Мари-Жозеф де Сакс, дофины Франции, для невесты пятого графа Бротона по случаю свадьбы. В простенке между окнами...»

Я подошел к упомянутым окнам и взглянул на парк. Стоял один из тех знойных, тяжелых августовских дней, когда деревья будто изнывают под гнетом листвы и сплошная зелень сельского пейзажа кажется давящей и душной. Пока я смотрел, из-за угла дома вышел мужчина. Несмотря на жару, на нем были вельветовые брюки, твидовый пиджак и один из тех коричневых фетровых котелков, которые английские сельские джентльмены считают неотразимыми. Он поднял голову, и я узнал его: это был Чарльз Бротон. Он едва бросил взгляд в мою сторону и отвернулся, но потом остановился и снова посмотрел на меня. Я подумал,

что он, наверное, вспомнил меня, и поднял руку в знак приветствия, он ответил мне тем же, а затем пошел по своим делам.

– Кто это был? – спросила Эдит. Она стояла позади меня, оставив Изабел наедине с ее молитвами.

– Чарльз Бротон.

– Один из сыновей графа?

– Единственный сын, насколько я знаю.

– Он пригласит нас на чай?

– Не думаю. Он видит меня третий раз в жизни.

Чарльз не пригласил нас на чай, и я уверен, что он и не вспомнил бы обо мне, если бы мы не столкнулись с ним по дороге к машине. Он разговаривал с одним из многочисленных садовников, работавших в саду, и закончил как раз в тот момент, когда мы проходили через двор.

– Привет, – кивнул он вполне дружелюбно. – Что вы здесь делаете? – Он явно забыл, как меня зовут и, скорее всего, где мы встречались, но держался очень мило и подождал, пока его не представят остальным.

Изабел это неожиданное путешествие в Страну, Где Сбываются Мечты, застигло врасплох, и теперь она лихорадочно подыскивала фразу, которая бы навеки пленила Чарльза своей оригинальностью и привела к незамедлительному зарождению близкой дружбы. Но вдохновение ее не посетило.

– Он остановился у нас. Мы живем в двух милях отсюда, – незамысловато объяснила она.

– Правда? Вы часто бываете в этих краях?

– Мы здесь все время.

– А, – отозвался Чарльз и повернулся к Эдит. – Вы тоже из местных?

Она улыбнулась:

– Не волнуйтесь, меня можно не опасаться. Я живу в Лондоне.

Он рассмеялся, и его дородное открытое лицо на мгновение стало довольно привлекательным. Он снял шляпу и явил нам те самые светлые, как у Руперта Брука, волнистые локоны на затылке, что так характерны для английских аристократов.

– Надеюсь, дом вам понравился.

Эдит улыбнулась и ничего не сказала, предоставив Изабел выкладывать глупые сведения, почерпнутые из путеводителя.

Я, извинившись, вмешался:

– Нам пора. Дэвид будет за нас волноваться.

И мы все снова принялись улыбаться и кивать, потом обменялись легкими рукопожатиями и несколько минут спустя уже были в пути.

– Ты не говорил, что знаком с Чарльзом Бротонем, – произнесла Изабел без выражения.

– Я и не знаком.

– Ты не говорил, что встречался с ним.

– Разве?

Хотя, естественно, я прекрасно знал, что не говорил. Остаток пути Изабел вела машину молча. Эдит, сидевшая впереди, обернулась ко мне и скорчила гримасу: опустила уголки рта и поджала губы, будто говоря «ну вот и все, приехали». Было очевидно, что я допустил серьезный промах, и до конца выходных Изабел держалась со мной подчеркнуто холодно.

Глава вторая

Эдит Лавери была дочерью преуспевающего бухгалтера, внука еврейского эмигранта; тот приехал в Англию в 1905 году из России, спасаясь от погромов. Я так и не узнал фамилии ее деда – Леви, наверное, или Левин. Во всяком случае, имя портретиста времен короля Эдуарда, сэра Джона Лавери, вдохновило их сменить фамилию. Когда их спрашивали, состоят ли они с этим художником в родстве, Лавери неизменно отвечали: «Разве что в очень отдаленном», таким образом связывая себя с английской аристократической семьей, но избегая сомнительных притязаний. У англичан так принято – на вопрос, знакомы ли они с таким-то, отвечать: «Да, но вряд ли они меня вспомнят» или «Ну, мы встречались, но я их толком не знаю» – в тех случаях, когда они попросту незнакомы. Все это из-за подсознательного стремления к утешительной иллюзии, что Англия, точнее Англия аристократии и обеспеченной буржуазии, опутана миллионами невидимых шелковых нитей, которые сплетают эти слои в блестящее общество, средоточие высоких должностей, власти и бесконечных родословных, куда остальным путь заказан. При этом они почти не кривят душой, потому что, как правило, хорошо понимают друг друга. Для англичанина определенного воспитания фраза «Ну, мы встречались, но я их толком не знаю» означает «Мы незнакомы».

Миссис Лавери, мать Эдит, супруга очень любила, но считала себя птицей совершенно иного полета. Ее отец был полковником в индийской армии, но интересная подробность заключалась в том, что, в свою очередь, его мать была правнучкой банкира-баронета. Миссис Лавери была во многих отношениях очень славной женщиной, но ее снобизм граничил с помешательством, и даже такое смутное родство, как нижайший из возможных рангов наследования, согревало ей сердце ощущением принадлежности к тому кругу избранных, где ее бедный муж навеки обречен быть чужаком. Мистер Лавери не обижался за это на жену. Нисколько. Напротив, он ею гордился. В конце концов, она была статная, красивая женщина, умела одеваться, и если ее притязания и вызывали у него какие-то чувства, то его скорее забавляло, что слова «noblesse oblige»³ (одно из любимейших выражений миссис Лавери) могут иметь хоть какое-то отношение к его семье.

Они жили в большой квартире в Элм-Парк-Гарденс, которая находилась слишком близко к сомнительной стороне Челси и вообще была миссис Лавери не совсем по вкусу. И все-таки это был не Фулем и даже не Баттерси – эти названия только начали появляться на воображаемой карте миссис Лавери. Как бесстрашному исследователю, все дальше и дальше уходящему от последних оплотов цивилизации, ощущение новизны все еще будоражило ей кровь каждый раз, когда ее приглашали на обед семейные дети кого-нибудь из ее друзей. Она во все уши слушала их рассуждения о том, как хорошо, что они вложили деньги в те или иные бумаги, и как их дети обожают Тутинг, особенно по сравнению с этой убогой квартирой на Марлоу-роуд. Все это было для миссис Лавери китайской грамотой. Про себя она решила, что выберется из ада, только переправившись через реку, ее личный Стикс, навеки отделивший Низший Мир от Настоящей Жизни.

Лавери не были богаты, но и не бедствовали, а так как у них был только один ребенок, им никогда не приходилось особо экономить. Эдит отправили в модный детский сад, а затем в Бененден («Нет, принцесса здесь совершенно ни при чем. Просто мы перебрали варианты и решили, что это – самое вдохновляющее место»). Миссис Лавери хотелось бы, чтобы ее дочь продолжила обучение в университете, но когда результаты экзаменов Эдит оказались недостаточно хороши, чтобы обеспечить ей поступление в одно из тех заведений, куда им

³ Положение обязывает (фр.).

бы хотелось ее отправить, миссис Лавери не была разочарована. У нее был еще один честолюбивый замысел – вывести дочь в свет.

Самой Стелле Лавери не довелось дебютировать. И этого она стыдилась до глубины души. Она старалась скрыть это, не раз вспоминая со смехом, как весело ей жилось в юности, и если от нее настойчиво требовали подробностей, могла со вздохом сказать, что дела ее отца сильно пошатнулись в тридцатые (таким образом связывая себя с обвалом на Уолл-стрит и с героями Скотта Фицджеральда). Или же, перевирая даты, она винила во всем войну. Но действительность, как миссис Лавери приходилось признаваться самой себе в глубине души, состояла в том, что в социально менее гибком мире пятидесятых границы между теми, кто входил в Общество, и остальными были значительно более четкими. Семья Стеллы Лавери к Обществу не принадлежала. Она завидовала тем своим подругам, которые были представлены друг другу во время своего первого выхода в свет, страстной и тайной завистью, и эта зависть грызла ее нещадно. Она их даже ненавидела за то, что они вели себя так, будто и Хенриетта Тайаркс, и Миранда Смайли жили не только в их, но и в ее воспоминаниях, будто они верили, что и она, Стелла Лавери, была в свое время дебютанткой, хотя прекрасно знали – и она знала, что они это знают, – дебютанткой она не была. По этой причине она с самого начала приняла твердое решение, что подобные пробелы не омрачат жизнь ее любимой Эдит. Даже имя было выбрано за легкий отзвук той прежней, неспешной доброй Англии; такое имя могло бы передаваться в семье из поколения в поколение и некогда принадлежать знаменитой красавице эпохи короля Эдуарда. Ничего подобного в действительности не было. В любом случае нужно было с самого начала втолкнуть девушку в этот зачарованный круг. Благодаря тому, что к девятидесятым годам XX века представление ко двору (что могло бы оказаться проблематичным) уже отошло в прошлое, миссис Лавери оставалось только убедить мужа и дочь, что и время, и деньги будут потрачены не зря.

Долго уговаривать их не пришлось. У Эдит не было четких жизненных планов, и идея отложить момент принятия решения на год – год, наполненный приемами и вечеринками, – показалась ей замечательной. А мистеру Лавери нравилось представлять жену и дочь среди лондонского бомонда, и он был согласен за это заплатить. Тщательно взлелеянных связей миссис Лавери хватило, чтобы Эдит попала в список приглашенных на чаепития к Питеру Таунсенду, а внешность девушки позволила ей стать одной из моделей на выставке платьев «Беркли дресс-шоу». Дальше ветер был уже попутный. Миссис Лавери обедала вместе с другими матерями дебютанток, выбирала дочери платья для загородных балов и в целом прекрасно провела время. Эдит тоже неплохо повеселилась.

Вот только миссис Лавери огорчало, что, когда Сезон подошел к концу, когда окончился последний зимний благотворительный бал и вырезки из «Татлера» были вклеены в альбом вместе с приглашениями, ничего как будто не изменилось. За этот год Эдит принимали у себя дочери нескольких пэров, включая одного герцога, отчего у Стеллы в особенности перехватывало дыхание, и все эти девушки посетили коктейль, который устраивала сама Эдит в отеле «Кларидж» (один из самых счастливых вечеров в жизни миссис Лавери), но те подруги, что остались с Эдит, когда музыка стихла и танцы закончились, точь-в-точь походили на девочек, которые приезжали к ней погостить из школы: дочери преуспевающих бизнесменов, представителей верхушки среднего класса. То есть, по сути, точно такие же, как Эдит. Миссис Лавери считала, что это неправильно. Она так долго списывала собственные безуспешные попытки проникнуть в эти восхитительные высшие эшелоны лондонского общества, которые она с определенным лукавством называла Двором, на то, что в свое время ей не удалось начать по всем правилам, что теперь возлагала огромные надежды на свою дочь. Ее энтузиазм не давал ей заметить одну простую вещь: уже сам факт, что Сезон встретил ее дочь с распростертыми объятиями, означал, что к 1980-м годам Общество уже в

значительной мере утратило свою эксклюзивность и многое изменилось со времен юности миссис Лавери.

Эдит видела разочарование матери, но, хотя и на нее, как мы увидим, действовали чары богатства и знатности, Эдит не очень понимала, каким образом может оправдать ожидания и завести по-настоящему близкую дружбу с дочерьми Благородных Семейств. Все они знали друг друга чуть ли не с рождения, да и вообще, она создавала, что будет очень нелегко принимать аристократок в соответствии с их вкусами в квартире на Элм-Парк-Гарденс. Она сохранила знакомство со всеми девушками, дебютировавшими вместе с ней, и, случайно где-нибудь встретившись, они приветливо кивали друг другу, но жизнь вернулась в прежнюю колею, и все стало почти так же, как сразу после окончания школы.

Обо всем этом я узнал вскоре после нашей первой встречи у Истонов. Оказалось, Эдит нашла работу – отвечала на телефонные звонки – у одного агента по недвижимости на Милнер-стрит, как раз за углом от моей полуподвальной квартирки. Я теперь постоянно сталкивался с ней в «Питере Джонсе» или в ближайших пабах, куда она забегала съесть сэндвич, или когда она заходила после работы купить пинту молока в «Партриджсе», и незаметно мы довольно близко сошлись. Однажды я увидел, как она выходит из «Дженерал трейдинг компани», и пригласил ее где-нибудь пообедать.

– Ты когда в последний раз видела Изабел? – спросил я, когда мы примостились на банкетках в одном из тех итальянских ресторанчиков, где официанты кричат названия блюд в кухню.

– Я ужинала с ними на прошлой неделе.

– Все хорошо?

Так и было, по крайней мере неплохо. Они были поглощены своим ребенком и драматическими событиями на школьном фронте. Изабел открыла для себя дислексию. Я почувствовал директору школы.

– Она спрашивала о тебе. Я сказала, что мы виделись, – ответила Эдит.

На это я заметил, что вряд ли Изабел уже простила мне, что я скрывал от нее знакомство с Чарльзом Бротонем. Эдит рассмеялась. Я спросил, рассказывала ли она матери о нашей поездке в Бротон. Как раз в то утро я вспоминал о Чарльзе – мне попала на глаза одна из этих идиотских статей со списком самых завидных холостяков, и Чарльз вел с неплохим отрывом. Неловко признаться, но меня немало впечатлил список его ценных вкладов.

– Не стоит. Не хочу давать пищу ее воображению.

– Она, должно быть, очень впечатлительна.

– Более чем. Она напаялит на меня фату – я и пискнуть не успею.

– А ты не хочешь замуж?

Эдит посмотрела на меня как на сумасшедшего:

– Хочу, конечно.

– Как, разве ты не видишь себя в роли деловой женщины? Я считал, сейчас все девушки только о карьере и думают. – Не знаю, почему меня потянуло на такой напыщенный антифеминизм, поскольку эти слова совершенно не отражают моих взглядов.

– Ну, всю оставшуюся жизнь отвечать на телефонные звонки в агентстве по недвижимости я не жажду, если ты об этом.

Мне досталось по заслугам.

– Я не совсем это имел в виду.

Она взглянула на меня снисходительно, будто ей приходилось втолковывать мне таблицу умножения.

– Мне двадцать семь. У меня нет никакой квалификации и, что еще хуже, никаких талантов. Но у меня есть вкусы, которые требуют по меньшей мере восемьдесят тысяч в год.

Когда отец умрет, то все деньги он оставит моей матери, к тому же вряд ли кто-нибудь из них уйдет со сцены раньше две тысячи тридцатого года. И что бы ты мне посоветовал?

Не понимаю, почему я вдруг потерял дар речи, услышав рассуждения, достойные Аниты Лус, от нежного цветочка, сидевшего передо мной, в аккуратном темно-синем костюме и с лентой в волосах в стиле Алисы в Стране чудес.

– Так ты намерена выйти за богатого человека? – спросил я.

Эдит с недоумением взглянула на меня. Может, она почувствовала, что была со мной слишком откровенна, может, старалась понять, не пытаюсь ли я судить ее, а если да, то каков будет вердикт. Должно быть, выражение моего лица ее успокоило. Мне всегда казалось, что если человек сумеет как можно раньше честно признаться себе, чего он действительно хочет от этой жизни, то тогда у него есть все шансы избежать столь популярного теперь и считающегося неизбежным кризиса среднего возраста.

– Не обязательно, – ответила она, как будто немного оправдываясь. – Просто не могу представить себя счастливой с бедняком.

– Это я понимаю.

Потом какое-то время мы с Эдит не виделись. Меня пригласили в один из этих американских мини-сериалов, которые невозможно смотреть, и я уехал в Париж и, подумать только, Варшаву на несколько месяцев. Из-за работы и Рождество, и Новый год я отпраздновал очень уныло – за границей, в отеле, где на завтрак дают сыр, а хлеб вечно черствый, и когда в мае я вернулся в Лондон, то был очень далек от ощущения, что как-то продвинулся по стезе искусства. Но, по крайней мере, мои финансовые дела пошли лучше. Вскоре после приезда я получил записку от Изабел, она собиралась с друзьями в Аскот, на второй день королевских скачек, и звала меня присоединиться. Должно быть, пока меня не было, она меня простила. Я думал, что придется отказаться, потому что я не предпринимал никаких шагов для получения пропуска на трибуну, но оказалось, что мама (по подобным жестам видно, насколько она не принимала всерьез и работу, и стиль жизни, которые я для себя избрал) позаботилась об этом за меня. По правде говоря, она считала это своей обязанностью со времен моей юности и теперь не спешила передавать ее в чужие руки.

– Ты пожалеешь, если пропустишь что-нибудь интересное, – обычно отвечала она, если я пробовал возражать.

И на этот раз мама оказалась права. Я принял приглашение Изабел с легкой улыбкой, какую у меня всегда вызывает перспектива провести день на скачках в Аскоте.

В действительности Королевская трибуна совсем не похожа на то, какой ее представляют. Одно название (не говоря уже о многословных репортажах в газетах, рассчитанных на невзыскательного читателя) рождает образы принцесс и герцогинь, знаменитых красавиц и миллионеров, прогуливающих по тщательно ухоженным лужайкам в нарядах от-кутюр. Из всего перечисленного я могу подтвердить только качество лужаек, наверное. Большинство посетителей трибуны оказываются бизнесменами средних лет из самых дорогих пригородов Лондона. Их сопровождают жены, одетые совершенно неподходящим образом, в основном в шифон. Но одно обстоятельство делает это расхождение мечты и реальности необычным и забавным: сами участники добровольно закрывают на него глаза и стремятся во что бы то ни стало сохранить чудесную иллюзию. Даже люди из Общества, а скорее, представители верхушки среднего класса и самых обеспеченных слоев, которые приходят сюда, только чтобы повидаться с нужным человеком, с трогательным удовольствием одеваются и ведут себя так, будто собираются на то самое утонченное и эксклюзивное событие, о котором пишут газеты. Их жены надевают приталенные костюмы, которые столь же неуместны, как и шифоновые платья (но, по крайней мере, идут своим хозяйкам), и прохаживаются, приветствуя друг друга с таким светским видом, будто встретились в Ранела-Гарденс в 1770 году. На один или два дня в году эти люди позволяют себе роскошь забыть о том, каким тру-

дом они зарабатывают на жизнь, и притвориться, что принадлежат к некоему исчезнувшему праздному классу, что мир, который они оплакивают, которым восхищаются, к которому они принадлежали бы, если бы он все еще существовал (а вот это неверно), – что этот мир живет и здравствует здесь, неподалеку от Виндзора. Их притязания кажутся мне очаровательными в своей открытости и ранимости. Я всегда рад провести день в Аскоте.

Дэвид заехал за мной на своем «вольво», где уже сидела Эдит, как я и ожидал, и еще одна пара, Рэтреи. Саймон Рэтрей, кажется, работал в «Стратт энд Паркер» и постоянно рассуждал об охоте. Его жена Венеция говорила очень немного и в основном о своих детях. Мы осторожно продвигались по М4 и через Большой Виндзорский парк, пока не подъехали к несколько мрачноватой парковке ипподрома, где Дэвиду предстояло оставить машину. Ему никогда не доставалось место номер один, и это из года в год служило для него источником раздражения, которое он постоянно срывал на Изабел, когда она обращала его внимание на дорожные знаки. Мне это не мешало: для меня это стало неотъемлемой частью поездки с ними в Аскот (как, например, одно из моих самых живых детских воспоминаний – мой отец под Рождество кричит на непослушную электрическую гирлянду).

Вскоре машина уже благополучно стояла около определенного ей номера, и мы распаковали ланч. Было очевидно, что Эдит не приняла в его приготовлении никакого участия, и Изабел и Венеция немедленно взяли все в свои руки, они суетились, звенели посудой, что-то резали, смешивали, пока пиршество не предстало перед нами во всем своем великолепии. Мужчины и Эдит наблюдали за происходящим с безопасного расстояния, сидя на раскладных стульях и сжимая в руках пластиковые стаканчики с шампанским. И как всегда, в этих приготовлениях было что-то очень трогательное, ведь всю эту еду нам предстояло проглотить как можно скорее. Едва мы успели придвинуть стулья к шаткому столику, как Изабел – и это тоже было частью ритуала – посмотрела на часы:

– Нам придется поторопиться. Уже без двадцати пяти два.

Дэвид кивнул и положил себе клубники. День был расписан по минутам, заполнен традициями и предсказуем, как рождественская месса. Очень важно было оказаться на трибуне к моменту прибытия из Виндзора представителей королевской семьи и их гостей, и добраться туда надо было достаточно рано, чтобы занять хорошие места и ничего не пропустить. Эдит глянула на меня и закатила глаза, но мы оба послушно проглотили кофе, прикололи бейджи и направились к скаковому кругу.

Мы миновали распорядителей у входа, усердно отделявших зерна от плевел. Как раз перед нами двоим посетителям не повезло, их не пустили внутрь, не знаю только, бейджи у них были неправильные или одежда не соответствовала случаю. Эдит сжала мою руку и снова улыбнулась мне своей таинственной улыбкой.

– Что тебя рассмешило?

Она покачала головой:

– Ничего.

– А что тогда?

– У меня есть одна маленькая слабость, люблю проходить туда, куда других не пускают.

Я рассмеялся:

– Бывает. Не ты одна такая. Но признаваться в этом – недостойно.

– Бог мой! Боюсь, я очень недостойный человек. Надеюсь, меня за это не задержат на входе?

В этих нескольких фразах есть одна интересная деталь – искренность. Эдит была типичной представительницей своего племени, слоун-рейнджер⁴, но я уже начал понимать, что она очень трезво оценивала жизнь и свое положение в обществе, что и приводило себе-

⁴ Обеспеченная молодая женщина, которая живет и работает в модном районе Лондона, а на выходные уезжает за город.

седника в замешательство, ведь такие девушки обычно устраивают целое представление, тщательно разыгрывая неведение. Ее отличало вовсе не желание попасть в круг избранных. Англичане, причем представители самых разных классов, жить не могут без ощущения исключительности. Заприте в комнате троих англичан – и они тут же придумают правило, согласно которому четвертый не будет иметь права к ним присоединиться. Но, в отличие от Эдит, многие, и уж точно все франты до единого, изо всех сил притворяются, что они этого не замечают. Любой аристократ (или стремящийся таковым казаться) встретит непонимающим взглядом и напускным недоумением предположение, что быть приглашенным в гости туда, куда простые люди должны покупать билеты, или пропущенным в комнаты, когда другие вынуждены остаться за дверью, может доставить удовольствие. Умудренная опытом матрона, возможно, еще и намекнет легким движением бровей, что сама мысль об этом уже указывает на отсутствие хороших манер. Все это, естественно, настолько лживо, что дух захватывает, но, как обычно бывает с подобными людьми, стойкость и непоколебимость, с которыми они придерживаются своих правил, вызывают определенное уважение.

Должно быть, мы замешкались, остальные уже стояли на ступенях трибуны и махали нам: свободного места оставалось все меньше. Шум моторов вдалеке сообщил нам, что кортеж уже близко, и лакеи, или распорядители, или кто они там, бросились открывать ворота. Эдит подтолкнула меня локтем и кивнула в сторону Изабел, когда показался первый открытый автомобиль, где сидела ее величество и смуглый премьер какого-то нефтяного государства. Как и остальные мужчины, я снял шляпу с совершенно искренним воодушевлением, но выражение лица Изабел просто приковывало мой взгляд. У нее были безжизненно-экстатические глаза, как у кролика перед удавом, она была почти в трансе от восторга. Чтобы оказаться среди приглашенных в королевский кортеж, Изабел согласилась бы на медленную смерть. По-моему, это только подтверждает, что, как бы более образованные классы ни презирали склонность массовой публики поклоняться певцам и актерам, они сами не менее подвержены фантазиям, если их преподнести в удобоваримой форме.

Честно говоря, в том году процессия была не самая блестящая. Принц Уэльский, воплощенное совершенство в глазах Изабел, не приехал, да и другие принцы тоже. Единственной представительницей младшего поколения королевской семьи была Зара Филлипс, одетая в яркий, открытый пляжный костюм. Эдит самым непочтительным образом критиковала проезжавших, чем очень раздражала Изабел и женщину с голубыми волосами, стоявшую рядом. И чтобы больше не портить им удовольствие, мы повернулись и собрались уйти, как вдруг за моей спиной раздался голос:

– Привет, как поживаете?

Я обернулся и оказался нос к носу с Чарльзом Бротоном. На этот раз неловкой сцены со вспоминанием имен не последовало. Что мне нравится на королевской трибуне, так это то, что все носят бейджи с именами. Здесь уже не нужно мяться, пытаюсь заново представиться кому-то, и никто не притворяется, что уже с вами знаком. Беглый взгляд на лацкан пиджака или на платье незнакомки – и все в порядке. Вот бы карточки с именами были обязательным аксессуаром на всех светских мероприятиях. На бейдже Чарльза значилось «Граф Бротон» – округлый, разборчивый почерк благовоспитанных девиц из аскотской конторы.

– Привет, – сказал я. – Помните Эдит Лавери? – Именно так следует говорить, когда вы почти уверены, что человек позабыл представляемую вами особу, но на этот раз я ошибся.

– Конечно помню. Вы та, которой можно не опасаться, и живете в Лондоне.

– Ну, надеюсь, в какой-то мере меня опасаться все-таки стоит, – улыбнулась Эдит и по собственной инициативе или по приглашению Чарльза взяла его под руку.

Истоны и Рэтреи буквально напирала на нас, я спиной почувствовал их разочарование, когда предложил прогуляться к загонам. Это может показаться жестокостью и, возможно, говорит о моей глубокой неуверенности в себе, но мне было стыдно за энтузиазм бедняжки

Изабел и просто зловещее честолюбие Дэвида. К счастью, Чарльз, который все-таки был парнем вежливым, приветственно кивнул Изабел, и хотя этим же жестом он с ней и попрощался, но показал, по крайней мере, что узнал ее. Дэвид, кипя от ярости, попятился, и мы втроем направились к загонам, где уже выводили лошадей к первому заезду.

Нетрудно было предугадать, что Чарльз оказался неплохим знатоком лошадей, и очень скоро он уже с удовольствием рассуждал о формах крупа и копытах, что меня ни в малейшей степени не интересовало, но мне занятно было наблюдать, с каким зачарованным, лестным вниманием смотрела на него снизу вверх Эдит. Такие женщины, кажется, владеют этой техникой с рождения. На ней был аккуратный костюм из льняного полотна голубовато-зеленого цвета, по-моему, он называется *eau-de-nil*, и маленькая плоская круглая шляпка без полей, сдвинутая чуть на лоб. В этом наряде она выглядела легкомысленной, но, по сравнению с матронами из Уэйбриджа с их оборками из органзы, не сентиментальной, а элегантной. Казалось, что она девушка сообразительная и с чувством юмора, а ее лицо, как я к этому времени уже успел заметить, было чрезвычайно привлекательно. Пока она рассматривала свою карточку и делала карандашом Чарльза пометки рядом с кличками лошадей, я наблюдал, как он смотрит на нее, и, наверное, именно в этот момент мне впервые пришло в голову, что он может испытывать к ней какие-то серьезные чувства. Не то чтобы это меня удивило. У нее было все необходимое. Эдит хороша собой, остроумна, и, как она сама отметила, ее можно не опасаться. Она была не его круга, но ни образом жизни, ни манерой речи нисколько не отличалась от людей, с которыми он привык общаться. Существует популярное заблуждение, что по поведению и манерам можно с первого взгляда отличить представителя среднего класса, пусть сколь угодно обеспеченного, от миллионера и аристократа. По правде говоря, в обыденном общении они почти на одно лицо. Конечно, круг знакомств аристократа значительно уже, что неизбежно влечет за собой чувство избранности, принадлежности к некоему закрытому клубу. И потому они склонны выражать свое ощущение социальной защищенности бесцеремонным и просто грубым обращением, что нисколько не мешает им самим, но больно задевает любого постороннего человека. Но, кроме этого (а грубости научиться очень легко), разницы в их поведении на людях почти никакой. Так что Эдит Лавери определенно была именно той девушкой, которая подходила Чарльзу.

Мы посмотрели пару забегов, но я чувствовал, что Эдит самым деликатнейшим образом пытается от меня избавиться, и потому, когда Чарльз неизбежно предложил выпить чая в клубе «Уайтс», я извинился и отправился искать остальных. Эдит оглянулась на меня с благодарностью, и рука об руку они направились прочь. Я нашел Изабел и Дэвида у одной из стоек с шампанским за трибуной, они пили теплый «Пиммз». Лед у официантов закончился.

— Где Эдит?

— Пошла в «Уайтс» с Чарльзом.

Дэвид надулся. Бедняга! Ему так и не удалось добиться, чтобы его пригласили в «Уайтс» в Аскоте, ни в старую палатку, ни, насколько мне известно, в новое, более современное помещение. Он руку бы отдал, чтобы стать там завсегдатаем.

— Здорово, — выговорил он, скрипя зубами. — Я бы не отказался от чашечки чая.

— По-моему, они должны встретиться с остальными из компании Чарльза.

— Не сомневаюсь.

Изабел, в отличие от него, молчала, только потягивала тепловатую жидкость, где, как полагается, плавали четыре ломтика огурца.

— Мы договорились встретиться у машины после предпоследнего забега.

— Ладно, — мрачно отозвался Дэвид, и мы погрузились в молчание.

Изабел — и это говорило в ее пользу — казалась скорее заинтересованной, чем раздраженной, разглядывая свой неаппетитный напиток.

Эдит уже стояла, прислонившись к запертой машине, когда мы подошли, и я с первого взгляда понял, что день у нее выдался удачный.

– Где Чарльз? – спросил я.

Она кивнула в сторону трибуны:

– Ему нужно найти тех, у кого он сегодня ночует. Он приедет еще завтра и в пятницу.

– Удачи ему.

– А вы как время провели?

– Неплохо, – ответил я. – Но до тебя нам далеко.

Она рассмеялась и ничего не сказала, и тут подошел Дэвид и открыл автомобиль. Он не упомянул Чарльза и держался с Эдит достаточно натянуто, а потому она не стала сообщать всем, а только прошептала мне на ухо, что Чарльз пригласил ее на обед в следующий вторник. Оставить новость при себе было, конечно же, выше ее сил.

Глава третья

Эдит сидела у своего туалетного столика, нежная и ароматная, только что из ванной, и готовилась нарисовать на лице светскую маску. Она не сказала матери, с кем именно ужинает сегодня, и теперь размышляла, почему так поступила. Это известие, несомненно, доставило бы Стелле немало удовольствия. Возможно, именно опасаясь ее излишнего энтузиазма, Эдит и предпочла умолчать о своем спутнике. И в любом случае на этом этапе Эдит еще не решила, есть ли у этого знакомства, как выражаются в журналах, будущее.

Эдит Лавери ни в коей мере не была склонна к беспорядочным связям, но к этому моменту она уже, естественно, давно не была девственницей. В свое время у нее было несколько парней, ничего серьезного лет до двадцати трех, а потом появился биржевой брокер, по поводу которого она решила, что, когда он сделает ей предложение, она согласится. Они встречались около года, много ездили к друзьям на уик-энд, их объединяло немало общих интересов, и в целом они были счастливы, по крайней мере не хуже многих. Парня звали Филип, его мать была довольно благородного происхождения, у него водились деньги – достаточно, чтобы обосноваться в Клэпхеме, – и, по правде говоря, все вроде бы шло хорошо, а потому Эдит была удивлена больше всех, когда однажды вечером он, запинаясь, объяснил ей, что встретил другую и все кончено. Несколько секунд Эдит просто ничего не могла понять. Отчасти потому, что местом признания он выбрал «Сан-Лоренцо» в Бичамп-плейс, где посетители за двумя соседними столиками слышали каждое их слово, отчасти потому, что, даже призвав всю свою скромность, она представить не могла, что такого могло быть в этой «другой», чего не было в самой Эдит. Они с Филипом нравились друг другу, хорошо смотрелись вместе, оба любили проводить выходные за городом, оба катались на лыжах. В чем проблема?

Так или иначе, Филип ушел, а три месяца спустя она получила приглашение на его свадьбу. Эдит согласилась и пришла туда вся такая великодушная и (что входило в ее планы) восхитительная. Невеста была не красивее ее, естественно, и в ней не было ничего необычного, честное слово. Но, наблюдая, как та смотрит на Филипа снизу вверх, не отрываясь, будто перед ней бог на земле, Эдит почувствовала легкое подозрение, от которого ей стало неуютно, что вот именно в этом и кроется разгадка.

Потом ее еще приглашали на свидания, но не слишком часто. Один из кавалеров, агент по недвижимости по имени Джордж, продержался полгода, но только потому, что впервые ей попался по-настоящему хороший любовник, и новые ощущения, которые он ей открыл, заставили ее некоторое время закрывать глаза на его недостатки. Но однажды в Хенли, куда он привез ее, трогательно вообразив, что это великосветское мероприятие, пока они обедали в одной из палаток только для своих, она посмотрела на него через стол – он громко хохотал и так широко открывал рот, что были видны десны, – и поняла: он ее просто пугает. Дальше это был только вопрос времени.

Ее родители очень огорчились из-за Филипа, он им нравился, и совсем не огорчились из-за Джорджа, и в целом не придерживались вообще никакого мнения по поводу остальных, которые мельком появлялись в Элм-Парк-Гарденс, но Эдит начала замечать, что завуалированные намеки и полущутливые, полувстревоженные замечания матери участились после ее двадцать седьмого дня рождения. И впервые она почувствовала приближение паники. Допустим только, для удобства рассуждения, ради примера, что никто так и не сделает ей предложения. Что она станет делать?

Что, скажите на милость, ей тогда делать?

Но ведь, подумала она, снимая бигуди и доставая щетку, все может так внезапно измениться. Быть женщиной – совсем не то же самое, что быть мужчиной. Мужчины либо рож-

даются обеспеченными, либо долгие годы корпят на работе, чтобы заработать состояние, а женщины... Сегодня женщина может быть беднее церковной мыши, а завтра оказаться богатой, или, по крайней мере, замужем за богатым человеком. Может быть, сейчас и не принято это признавать, но даже в наш бурный век удачно подобранное кольцо может кардинально изменить жизнь женщины.

После подобных рассуждений легко можно представить себе Эдит грубой, даже отвратительно расчетливой особой в этот период ее жизни, но это было бы несправедливо. И это очень удивило бы ее саму. Если спросить ее, меркантильна ли она, она бы сказала, что она человек практичный. Присущ ли ей снобизм? Скорее житейская мудрость и любовь к жизненным благам. В конце концов, читает же она романы, ходит в кино, она знает, что такое счастье, и верит в любовь. Но она видела перед собой только светскую карьеру (как же иначе?), а раз так, то как ей достичь хоть чего-нибудь без денег и положения в обществе? Конечно, к 1990-м годам подобные цели в жизни уже считались вышедшими из моды, но Эдит не обладала необходимыми качествами, чтобы основать империю фитнеса или начать издавать новый журнал. Что касается настоящих профессий, здесь она упустила свой шанс, а теперь с окончания школы прошло уже десять лет. И ведь желание жить в достатке больше не считается старомодным. Поколение ее детства, питавшееся коричневым рисом и носившее широкие юбки в сборку, уступило место более напористому, посттэтчеровскому миру, и разве ее мечты в каком-то смысле не соответствуют веяниям времени?

И все же, несмотря на свое честолюбие, она, пусть и неохотно, соглашалась с мыслью, что именно мужчина откроет перед ней золотые ворота в новую, прекрасную жизнь, и было бы неверно сказать, что по сути своей Эдит была снобом. Особенно по сравнению с ее матерью. Она сама сказала, что ей больше нравится быть внутри и смотреть из окна наружу, чем стоять под окнами и пытаться заглянуть внутрь, но ее больше интересовала самореализация (или власть, если говорить прямее), чем знатность. Ей хотелось быть в центре событий. Ей нужен был победитель, а не человек с хорошей родословной. Без крайностей. Она не искала просто удачливого уличного торговца, но и графа она тоже не искала. Возможно, именно поэтому граф ей и достался.

Она разглядывала свое отражение в зеркале. На ней было короткое черное шелковое платье – ее мать назвала бы это маленьким черным платьем, – извечный оплот лондонской леди. Оно было хорошо сшито, довольно дорого стоило. Кроме браслета со стразами, никаких украшений. Она была красива и изящно одета, с тем легким оттенком строгости, который англичане определенного типа находят интригующим. Она осталась довольна. Эдит не отличалась тщеславием, но была рада или, скорее, испытывала облегчение, что ей не выпало на долю маяться с некрасивым лицом. В дверь позвонили.

Она задумалась, не попросить ли Чарльза просто подождать внизу, но тогда он мог бы подумать, что она скрывает что-нибудь значительно более компрометирующее, чем очень обычный отец и снобка-мать, поэтому она решила пригласить его наверх, но представить по-американски, только по имени. Эту новомодную привычку она, вообще-то, не любила, потому что так за кадром оставалась единственная часть имени, которая может нести хоть какую-то информацию. Но мать поставила ей мат в два хода.

– Чарльз, а дальше? – спросила она, пока Кеннет разливал напитки.

– Бротон. – Чарльз улыбнулся.

Эдит почти слышала, как в голове у матери шевелятся и бродят мысли, складываясь в планы и расчеты, но недаром ее мать всю жизнь была страстной поклонницей Елизаветы I. Улыбка не дрогнула на ее лице.

– И где вы познакомились с Эдит?

– Мы встретились в Суссексе, в доме моих родителей.

– Когда я ездила к Изабел и Дэвиду.

– А, так вы знакомы с Истопами?

Чарльз кивнул, и Эдит была ему за это благодарна. Он был не готов сказать: «Нет, я их не знаю, и нас познакомили не на частной вечеринке, я встретился с вашей дочерью, когда она купила билет, чтобы осмотреть мой дом». В этом не было ничего страшного, никаких скрытых смыслов, но тогда вечер начался бы несколько странно.

Как бы там ни было, избежав этой ловушки, Эдит постаралась поскорее закончить разговор, не желая рисковать еще раз. Итак, она не только не была взволнована, но, напротив, вздохнула с облегчением, когда они сели в блестящий «порше», ожидавший их внизу.

– Я подумал, не поехать ли нам в «Аннабелс»?

– Прямо сейчас? – От удивления она не успела отредактировать свою реплику.

– Что-то не так? Ну, мы можем поехать куда-нибудь еще... – На лице Чарльза отразилась легкая обида, и Эдит стало неловко за то, что она вот так, с ходу, отмахнулась от того, чем он, возможно, хотел ее порадовать. А от мысли, что он спланировал вечер специально для нее, ей стало тепло на душе.

– С удовольствием. – И она с симпатией улыбнулась ему, его открытому, располагающему, немного простоватому лицу. – Просто я обычно попадала туда позже. По-моему, я там ни разу не ужинала.

– Мне там нравится.

И они погрузились в молчание, пока машина не остановилась у знаменитого входа на Беркли-сквер. Чарльз вышел и отдал ключи портю. Когда Эдит случалось приходить сюда с кем-нибудь раньше, они всегда парковались на площади, а до клуба шли пешком. Ей стало уютно от осознания, что сейчас она с человеком, которому незачем искать обходные пути. Они спустились вниз по лестнице и вошли. Чарльз расписался в книге посетителей, а со всех сторон наперебой раздавалось: «Добрый вечер, милорд».

В баре практически никого не было, ресторан казался еще более пустынным. На безлюдном танцполе было сумрачно, черные зеркала, в которых никто не отражался, навевали грусть. Сначала Чарльз как будто растерялся, а потом смутился:

– Вы правы. Еще слишком рано. Кажется, раньше десяти тут почти никого не бывает. Хотите, мы пойдем куда-нибудь еще?

– Спасибо, не хочу. – Она слегка улыбнулась и устроилась на диванчике. – А теперь расскажите, что здесь стоит заказывать.

Она еще не составила окончательного мнения о Чарльзе, но одно знала точно: этот вечер будет очень удачным, чего бы ей это ни стоило. Меню на несколько минут предоставило им тему для непринужденной беседы, что было очень кстати. Чарльз разбирался в кухне и напитках и с удовольствием взял все в свои руки, хотя, по правде говоря, она попросила его совета, только чтобы оказаться в роли беспомощной скромницы, пай-девочки, на которой так хочется жениться. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы он начал извиняться. Это она уже знала по опыту. Но он сделал выбор очень удачно, и обед получился чудесный.

Чарльза Бротона нельзя было назвать красивым. Для этого у него был слишком большой нос и слишком тонкие губы. Но при свечах он был довольно привлекателен. Он выглядел настоящим английским джентльменом, будто его специально подбирали на эту роль, и Эдит чувствовала, что ее влечет к нему и чисто физически. Значительно сильнее, чем она предполагала. Она была несколько удивлена, обнаружив, что с нетерпением ждет, когда он пригласит ее танцевать.

– Вы много времени проводите в Лондоне? – спросила она.

Он покачал головой:

– Нет, боже упаси! Как можно меньше.

– Так обычно вы живете в Суссексе?

– Большую часть времени. У нас есть еще дом в Норфолке. Мне приходится ездить туда время от времени.

– Забавно. Я думала, вы человек светский.

– Я? Вы шутите! – Он громко рассмеялся. – Почему бы это?

– Не знаю.

Она знала, но была не готова признаться, что читала о нем в колонках светской хроники. А так как они столкнулись в Аскоте, все это вместе складывалось в достаточно стройный образ. Это ошибочное впечатление она сохраняла еще некоторое время, пока наконец не выяснила, что к чему.

А правда заключалась в том, что, как и большинство представителей рода людского, Чарльз ходил на вечеринки, если его приглашали и если ему нечем больше было заняться, но друзей у него было немного, и почти всех их он знал с детства. Он считал себя исключительно сельским жителем, помогал отцу управлять поместьями и домами, которые Бог счел должным доверить его заботам. Он никогда специально не раздумывал об этом и не сопротивлялся своему положению, но и не пользовался им без необходимости. Если он и задумывался иногда о знатности и доставшемся ему в наследство состоянии, то мог бы только сказать, что считает, что ему очень повезло. Впрочем, вслух бы он этого не произнес.

В противоположность представлению Эдит, он привез ее в «Аннабелс» не в качестве части тщательно разработанной стратегии завоевания ее сердца. Просто, хотя он и не признавался себе в этом, Чарльзу нравилось привозить девушек туда, где его знают. Это придавало ужину оживленность, чему анонимность совсем не способствовала.

Наступила его очередь что-нибудь сказать.

– Вам случалось жить в сельских краях?

– Не часто. – Как только Эдит произнесла эти слова, она тут же осознала, что ответ получился странный, потому что за всю жизнь она и получаса не жила в деревне. Школа-интернат, конечно же, не считается. И все-таки сельская местность ей нравилась. Она часто приезжала туда на выходные и погостить. Она ездила на охоту с мужчинами и стояла рядом, пока они поджидали дичь. Она не раз ездила верхом. Так что она не совсем соврала. Она пояснила: – Ну, вы понимаете, дела моего отца требуют...

Чарльз кивнул:

– Полагаю, ему приходится немало путешествовать.

Эдит пожала плечами:

– Да, немало.

Надо сказать, что Кеннету Лавери приходилось вот уже тридцать два года подряд ежедневно путешествовать от метро до одного и того же офиса в центре. Один раз ему довелось съездить в Нью-Йорк и один раз в Роттердам. Все. Но этого она не стала уточнять. Это легкое смещение акцентов так никогда и не было исправлено. С этого момента у Чарльза навсегда осталось впечатление, что отец Эдит – этаким преуспевающим делец, проводящий полжизни в самолетах – из Гонконга в Цюрих и обратно. Но, создавая эту иллюзию, Эдит верно прочитала мысли Чарльза. Бизнесмен, постоянно недосыпающий из-за разницы во времени между часовыми поясами, – это все-таки значительно менее мелкобуржуазно, чем канцелярская крыса с постоянным проездным на одну и ту же линию метро; Чарльзу так значительно больше нравилось.

Прошло какое-то время, зал постепенно наполнялся людьми.

– Чарли!

Эдит подняла глаза: к их столику взяла курс хорошенькая брюнетка в коктейльном платье строгого покроя, усыпанном блестками. Ее сопровождал, вернее, она тащила на буксире настоящего кита. На нем был костюм – портному, должно быть, потребовалась целая штука

шерстяной материи – и большой галстук в горошек. Когда они причадили, Эдит заметила, что по жирной красной шее новопришедшего струйками стекает пот.

– Джейн, Генри, добрый вечер. – Чарльз встал и кивнул в сторону Эдит. – Вы знакомы с Эдит Лавери? Генри и Джейн Камнор.

Джейн мимоходом и почти неощутимо пожала руку Эдит, затем снова обернулась к Чарльзу и, усаживаясь, налила себе вина.

– Умираю от жажды. Как поживаешь? Что с тобой случилось в Аскоте?

– Ничего не случилось. Я там был.

– Я думала, мы все вместе обедаем в четверг. С Уитерби и его женой. Мы тебя искали-искали, но потом махнули рукой. Камилла была страшно разочарована. – Джейн заговорщи-чески улыбнулась Эдит, будто приглашая и ее посмеяться над шуткой. На самом деле она, конечно же, сознательно подчеркивала, что Эдит здесь чужая и понятия не имеет, о чем речь.

– Не понимаю, почему она была разочарована. Я и ей, и Энн говорил, что обедаю с родителями.

– О чем они тут же забыли. Ладно, теперь уже не важно. Кстати, скажи-ка, а ты едешь в августе к Эрику и Кэролайн? Они клялись и божились, но что-то это очень непохоже на тебя.

– Почему?

Джейн ленивым, змеиным движением пожала плечами:

– Не знаю. Ты вроде терпеть не можешь жару.

– Я еще не решил. А вы едете?

– Мы не знаем, правда, дорогой? – Она протянула руку к своему пыхтящему супругу и сжала его рыхлую ладонь. – Нас ждет еще так много дел в Ройтоне. Мы и дома-то почти не бываем с тех пор, как Генри занялся политикой. У меня ужасное предчувствие, что мы застрянем там на все лето. – Она улыбнулась еще шире, уже не только Чарльзу, но и Эдит.

Эдит улыбнулась в ответ. Ей не в новинку была эта острая потребность представителей высших классов демонстрировать, что они знают друг друга и регулярно занимаются одним и тем же с одними и теми же людьми. Сейчас перед ней был довольно экстремальный пример этого менталитета закрытых вечеринок, но, глядя на лорда Камнора, он же Генри Зеленый Паровоз, нетрудно было догадаться, что Джейн пришлось многим пожертвовать ради своего нынешнего положения, каким бы оно ни было, и ей трудно было бы, даже мгновение, не придавать этому положению значения.

– Вы всерьез занимаетесь политикой? – спросила Эдит у Генри, который, похоже, все еще приходил в себя после изнурительного перехода через зал.

– Да, – сказал он и опять повернулся к остальным.

Эдит сначала чуть не пожалела его, но скоро заметила, что сам он не понимает, что достоин жалости. Его вполне устраивало быть самим собой. Так же как ему нравилось демонстрировать, что он знаком с Чарльзом и не знаком с Эдит. Но Чарльз совсем не соби-рался позволить Камнорам вести себя грубо с девушкой, которую он пригласил на ужин, и он, сознательно и не скрывая этого, снова подключил ее к разговору:

– Генри просто ужасно серьезный с тех пор, как получил свой пост. За что вы там боролись в последний раз? За обеспечение заключенным права соблюдать вегетарианскую диету?

– Ха-ха, – отозвался Генри.

Джейн пришла мужу на помощь:

– Не будь таким гадким. Он столько сделал для улучшения рациона наших граждан, правда, дорогой?

– Не уменьшая при этом собственного, как я понимаю, – улыбнулся Чарльз.

– Смейся-смейся, они еще придут за тобой, когда твой отец сыграет в ящик. Вот уви-дишь, – пригрозила Джейн.

– Не придут. В следующий раз победят лейбористы и отменят право наследования, ты и ахнуть не успеешь.

– К чему такой пессимизм? – Джейн и слышать не хотела, что миру, на который она поставила все, грозит исчезновение. – И вообще, у них годы уйдут, чтобы придумать систему распределения мест в палате лордов получше существующей, а пороть горячку они не станут.

Чарльз встал и пригласил Эдит на танец.

Она подняла на него полувопросительный взгляд, пока они шаркали ногами на площадке, уже забитой под завязку иранскими банкирами и их любовницами.

– Генри неплохой парень, – улыбнулся Чарльз.

– Он ваш близкий друг?

– Что-то вроде кузена. Мы с детства знакомы. Боже, ну и растолстел он, правда? Настоящий дирижабль.

– Они давно женаты?

– Четыре-пять лет, по-моему, – покачал головой Чарльз.

– А дети у них есть?

– Две дочери, – усмехнулся он. – Бедный старина Генри. Его заставляют пить портвейн, есть сыр и еще бог знает что.

– Зачем?

– Чтобы родился мальчик, зачем еще? Им чертовски нужен наследник.

– А если у них так и не будет сына?

– Братьев у него нет. – Чарльз нахмурился. – По-моему, титул достанется какому-то парню из Южной Африки, а вот кому отойдет состояние, этому парню или девочкам, я не уверен. Но они оба еще довольно молоды. Еще пара попыток у них есть, я думаю.

– Это может стать им довольно дорого.

– Это точно. Никогда не угадаешь, когда стоит остановиться. Взять хотя бы Кланвилльямов. Шесть девчонок, и только тогда они угомонились, а в наше время с этим даже тяжелее, чем раньше.

– Почему?

– А вы как думаете? Даже девочек надо отправлять в приличные школы.

Еще какое-то время они танцевали молча, только Чарльз изредка кивал проплывающим мимо знакомым. Эдит с благодарностью узнала двух девушек, с которыми познакомилась в год своего выхода в свет, и ослепительно им улыбнулась. Заметив, с кем она, они помахали ей в ответ, и она почувствовала себя не такой невидимой. Когда они вернулись к столику, Эдит уже начала думать, что очень даже неплохо проводит время.

Камноры сидели все там же, и когда Эдит с Чарльзом подошли к столику, Джейн вскочила на ноги и схватила Бротона за руку:

– Пора тебе и со мной потанцевать. Генри терпеть не может танцев. Пойдем.

Она повела Чарльза обратно, оставив Эдит наедине со своим свиноподобным мужем.

Он неопределенно улыбнулся:

– Она всегда так говорит. А я совсем ничего не имею против танцев. Не хотите попробовать?

Эдит покачала головой:

– Нет, с вашего позволения, надеюсь, вы меня простите. Я очень устала. – От одной мысли о том, чтобы прижаться к этому необъятному брюху, у нее мурашки шли по коже.

Он кивнул с философским спокойствием. Очевидно, ему не впервой было получать отказ.

– Вы хорошо знаете Чарли?

– Нет. Мы недавно познакомились за городом, а потом встретились в Аскоте, и вот я здесь.

– Где именно? Кто там еще был? – Он слегка оживился, предвкушая еще немножко поиграть в имена.

– С Истонами. В Суссексе. Дэвид и Изабел. Вы их знаете? – Эдит прекрасно понимала, что не знает. И оказалась права.

– Я знаю Чарли с самого детства.

Эдит лениво попыталась подыскать подходящий ответ.

– По-моему, я ни с кем так долго не знакома. Разве что с родителями, – со смехом добавила она.

Генри оставался столь же суров и сдержан.

– Мм, – отозвался он.

Эдит попробовала еще раз:

– Кто такие Эрик и Кэролайн?

– Кэролайн – сестра Чарльза. Ее я тоже знаю с раннего детства. – Он мягко кивнул самому себе, удовлетворенный таким длительным знакомством. – Эрик – это тот тип, за которого она вышла.

– Я так понимаю, с ним вы не знакомы с детства.

– В глаза его не видел до свадьбы.

– Он приятный человек?

– Не могу вам сказать.

Очевидно, по мнению Генри, Кэролайн совершила нечто крайне непристойное. В этом межвидовом браке двух незнакомых ей людей было что-то преступное. Эдит почувствовала, что и сама оказалась на грани грубого нарушения приличий только потому, что заговорила об этом наглом чужаке.

– А где это – Ройтон?

На этот раз на лице Генри выразилось скорее удивление, чем отвращение. То, что она не знает местонахождение Ройтона, очевидно, означало, что она эксцентричная особа.

– Норфолк.

– Там хорошо? – Эдит испытывала почти физическую усталость от попыток занять Генри, будто она не беседу поддерживала, а вспахивала неподатливую целину.

Он пожал плечами и поискал глазами бутылку, чтобы налить себе еще стаканчик.

– Люди вроде так говорят.

Эдит открыла рот и готова была попробовать еще раз, но закрыла его, так и не произнеся ни звука. Ей еще много раз придется поразиться, какими тиранами становятся люди от простого неумения общаться. Из сил выбиваешься, поддерживая вялый и скучный разговор, и все только для того, чтобы тупица-собеседник не догадался о своей несостоятельности. Самое смешное, что такие зануды и не подозревают о своем недостатке. Если бы Генри вообще заметил, что беседа тащится еле-еле, он бы, не задумываясь, обвинил во всем Эдит, ведь это она не знает ни одного из его знакомых. Тишина уже начинала угнетать, когда вернулись Чарльз и Джейн, и все оставшееся время они сплетничали о людях, которых Эдит никогда не видела.

– Какой чудесный вечер! – произнесла она, когда Чарльз остановил машину у ее дома. Он и не пытался припарковаться, явно понимая, что никакого сексуального продолжения у этой встречи не будет.

– Рад, что вам понравилось. Мне жаль, что нам помешали.

– Не стоит. Они мне понравились, – соврала Эдит.

– Да? – Он как будто слегка встревожился. – Я рад.

– Генри рассказывал мне о Ройтоне.

Чарльз кивнул, оказавшись на знакомой территории.

– Да, у них там дом по соседству с моим. Собственно, потому я с ними и знаком.

– А я так поняла, вы родственники.

– Ну, так и есть. Породнились где-то в тридцатых годах прошлого века. Но я их знаю, потому что мы живем по соседству.

– Звучит неплохо.

– Так и есть. Не знаю, хороший ли из старины Генри управляющий, но там довольно мило. Кроме того, денег у них куры не клюют, так что, наверное, это не важно. – Невооруженным глазом было видно, что Чарльз считает, что он-то великолепно управляет Бртоном.

Какое-то время они смотрели друг на друга не отрываясь. Эдит поняла, что очень даже не против, чтобы он ее поцеловал. Отчасти для того, чтобы быть уверенной в собственном успехе, и отчасти потому, что ей просто хотелось его поцеловать. Он неловко наклонился к ней и прижал свои губы к ее. Губы у него были неподатливые и плотно сжаты. Ага, подумала она. Скорее Филип, чем Джордж. Ладно. А вслух сказала:

– Спокойной ночи и еще раз спасибо. Я замечательно провела время.

– Вам спасибо, – ответил он, вышел из машины и проводил ее через дорогу до двери, но, прощаясь, целовать больше не пытался и о том, когда они увидятся снова, тоже не упомянул.

Справедливо будет сказать, что до этого момента Эдит и не замечала, что ждет от этой встречи чего-то большего, ей хотелось только убедиться, что Чарльз считает ее привлекательной, что ему приятно находиться в ее обществе и он хочет увидеться с ней снова. Но теперь, когда вечер заканчивался как-то скомканно, ее охватило разочарование, ощущение, что она упустила свой шанс. Что у нее была некая великолепная возможность, а она все испортила, причем даже не поняла толком как. И вот, с чувством сожаления о собственном провале, она прокралась на цыпочках в свою комнату, стараясь не разбудить мать, которая лежала, глядя в потолок, в своей спальне дальше по коридору.

А между тем Эдит совсем не стоило так огорчаться. Она плохо знала Чарльза и неправильно поняла его сдержанность. Люди обычно воспринимали его как приз, награду, за которую нужно бороться, и Эдит была уверена, что он о себе такого же мнения, но она ошибалась. Чарльз считал, что именно он, а совсем не Эдит отвечает за то, чтобы вечер удался. Он был застенчив (не из тех, кто грубит от смущения, а по-настоящему застенчив), а потому, хотя он и не мог этого продемонстрировать, ему очень польстило, что ей как будто бы нравилось проводить с ним время. И по правде говоря, вставляя ключ в замок квартиры своих родителей на Кадоган-сквер, Чарльз с удовольствием вспоминал прошедший вечер. Эдит ему очень приглянулась. Еще ни к одной девушке его так не тянуло. Уважая лицемерие как обязательную составляющую общения в нашем лицемерном обществе, он еще сильнее восхищался ею из-за того, что она сумела притвориться, что Камноры ей понравились, хотя было ясно: они, или как минимум Джейн, вели себя с ней весь вечер просто непотребно. Он открыл дверь и вошел в квартиру.

Лондонская квартира Акфилдов занимала первый и второй этажи одного из тех высоких голландских домов из красного кирпича, что окружают эту престижную, пусть и не совсем чарующую площадь. Это было довольно милое жилище, обставленное с той тщательно взвешенной смесью уюта и величественности, которую мать Чарльза переняла у Джона Фаулера и позже сделала своей характерной манерой. Картины, не самые лучшие из семейной коллекции, были тщательно подобраны таким образом, что создавали ощущение влияния и древности рода, но не подавляли пространство. Украшения, ковры, сами столы и стулья заявляли о положении семьи, но не оглушительно, а скромно, вполголоса. «Мы заглядываем сюда время от времени, – будто бы говорили артефакты, – но не судите о нас по этой обстановке». И точно так же никто из членов семьи, даже Кэролайн, прожившая

здесь после замужества четыре года, не называла это место домом. Дом – это Бротон. «На следующей неделе я буду в квартире», «пойду-ка я в квартиру», «давай встретимся в квартире» – все это очень хорошо, но «мне пора домой», даже после затянувшегося за полночь приема в Лондоне, означало, что данный представитель семейства собирается в тот же вечер ехать в Суссекс. У этих людей может быть особняк на Честер-сквер и маленький коттедж в Дербишире, но вы можете не сомневаться, что «домой» – это туда, где под окнами растет трава. А если подобного убежища не существует в принципе, то они ясно дадут вам понять, что для хорошего самочувствия им жизненно необходимо как можно чаще сбегать из города погостить к своим сельским друзьям, прочь от дыма и пыльных мостовых, подразумевая, что, пусть им и приходится всю жизнь бродить между каменными стенами или сидеть за столом в Сити, в душе они навсегда останутся деревенскими жителями. Редко встретишь аристократа, который предпочитает Лондон, по крайней мере такого, кто честно бы в этом признался.

У Чарльза была и своя квартира, несколько скромных, тесных комнат на четвертом этаже на Итон-плейс, но он обычно о ней не вспоминал. На Кадоган-сквер было приятнее и уютнее, и там он в любое время мог спуститься за почтой, не привлекая пристального внимания соседей. Но, может быть, потому, что Бротон-Холл создавался вкусами многих поколений, каждый раз, приезжая в городскую квартиру, где всегда останавливалась его мать, он повсюду чувствовал отпечаток ее личности. Настоящая лондонская штаб-квартира Бротонов – Бротон-Хаус – была разрушена прямым попаданием бомбы во время воздушных налетов во Вторую мировую, и потому им не пришлось, в отличие от многих своих родственников, мучительно решать по окончании войны, разумно ли будет отказаться от дома в городе. Бабка и дед Чарльза приобрели довольно сырую квартиру в Альберт-Холл-Мэншнс, от которой его мать отказалась не раздумывая, и именно она выбрала и создала из ничего это жилище в качестве достойных декораций для благотворительной работы и развлечений, которые время от времени требовали ее присутствия в столице.

Усевшись в кресло со стаканом виски на сон грядущий, Чарльз задумался о своей матери. Он смотрел на эскиз в красивой рамке, изображавший семилетнюю Хэрриет Триван (девичья фамилия леди Акфилд). набросок работы Аннигони стоял на небольшом столике эпохи регентства рядом с камином в гостиной. Даже у этой маленькой девочки с лентой в угольно-черных кудрявых волосах он заметил знакомый непреклонный, кошачий взгляд. Пора было взглянуть правде в глаза. Эдит не понравится его матери. Это он знал наверняка. Если бы Эдит представили его матери в качестве жены кого-нибудь из друзей, девушка могла бы ей даже приглянуться, если бы леди Акфилд вообще ее заметила, но в качестве девушки Чарльза ее встретят отнюдь не с распростертыми объятиями. И еще меньше, если вдруг так сложатся обстоятельства, его матери понравится перспектива приветствовать Эдит как свою преемницу, как женщину, заботам которой ей придется в будущем доверить свой дом, свое положение, то самое графство, на благо которого она так усердно и так долго трудилась.

Сказанное совсем не означает, что Чарльз не испытывал симпатии к своей маме. Напротив, он очень любил ее. Он видел то, что таилось за светским образом настоящей леди, совершенной во всех отношениях, и это ее истинное «я» вызывало у него симпатию. Леди Акфилд очень нравилось создавать видимость, что все в этой жизни ей принесли на блюде, а ей не пришлось и пальцем шевельнуть. Она предпочитала, чтобы ей завидовали, а не жалели ее, и всю жизнь старалась, как поется в песенке, прятать горести в косметичку и улыбаться судьбе. Как правило, ей это давалось без особого труда, потому что она считала собственные беды не менее скучными, чем чужие, но Чарльз уважал ее философию и любил мать за нее. Он, возможно, не в полной мере осознавал, насколько в постоянных попытках сохранять хорошую мину она всего лишь хранила верность принципам своего класса.

Представители высших классов в целом жаловаться не любят. Они предпочтут скорее не распространяться об этом. Короткая прогулка и стаканчик чего-нибудь покрепче – вот какие способы они выбирают, чтобы оправиться от ударов судьбы, и не важно, поразила злодейка их сердце или кошелек. Уж сколько было написано в бульварных газетах об их холодности, однако от обычных людей их отличает совсем не бесчувственность, а привычка не показывать своих чувств. Естественно, они не считают это своим недостатком и отнюдь не восхищаются публичным проявлением эмоций у других. Их искренне поражает открытое горе рабочего класса: скорбящие матери, которых, поддерживая под руки, чуть не вносят в церковь, фотографии солдатских вдов, обливающихся слезами над его последним письмом. Одна мысль об этом заставляет содрогнуться любого истинного представителя благородного семейства. И конечно же, они не понимают одного: такие трагедии, несчастные случаи, катастрофы на М3 предоставляют даже самому заурядному человеку, потерявшему родных и близких, может быть, единственную в его жизни возможность получить, пусть мимолетную, толику известности. В кои-то веки он может утолить ту самую, чисто человеческую жажду внимания, добившись, чтобы общество признало его бедственное положение. Этой потребности представители высших сословий не понимают, потому что не разделяют ее. Известность достается им от рождения.

Среди многих битв, которые вела его мать, Чарльзу по-настоящему хорошо известна была только одна – война, которую вела леди Акфилд с его бабушкой, вдовствующей маркизой, не самой простой свекровью. Бабушка была высокая, худощавая, с характерным профилем, дочь герцога, и ее совсем не впечатлила хорошенькая маленькая брюнеточка, которую сын привел в дом. Старая леди Акфилд стала королевой Марией⁵ для леди Элизабет Боуз-Лайон⁶ в исполнении ее невестки, и отношения между ними никогда не были теплыми. Даже после того, как ее муж передал все дела сыну, в те времена, когда Чарльз был уже во вполне сознательном возрасте, вдовствующая маркиза не изменила своего отношения к невестке. Все так же пыталась менять ее распоряжения экономке, лично давать инструкции садовникам и отменять заказанные у бакалейщика товары с тем, чтобы заменить их на более «подходящие», – до самой своей смерти, которая по большому счету осталась неоплаканной. Все эти попытки были безуспешными, ибо она утратила свою власть в результате единственного случая, когда между свекровью и невесткой произошло столкновение, одна мысль о котором невольно заставляла Чарльза улыбнуться.

Вскоре после того, как она была свергнута с престола, бывшая хозяйка Бротон-Холла велела перевесить по-новому развешенные в салоне картины, пока леди Акфилд была в Лондоне. Вернувшись и обнаружив, что ее предписания нарушены, новая леди Акфилд настолько разозлилась, что впервые в жизни она, как теперь выражаются, вышла из себя. Это привело к настоящей ссоре с воплями и взаимными обвинениями – уникальному событию в истории этого салона по крайней мере с окончания XVIII века, когда нравы были более свободными. К восторгу и ликованию прислушивавшейся к крикам прислуги, леди Акфилд объявила свою свекровь невоспитанной выскочкой и назойливой старой стервой.

– Выскочка?! – взвизгнула вдовствующая маркиза, выбрав из списка оскорблений то, что сумело пробить ее панцирь. – Выскочка! – И, высоко подняв голову и печатая шаг, она величественно покинула дом с намерением никогда больше не появляться на его пороге.

Мать много раз говорила Чарльзу, что очень сожалеет о случившемся и что она испытала огромное облегчение, когда старая леди Акфилд, продемонстрировав свое отношение, все-таки стала появляться в Бротоне на традиционных праздниках. Но в этом сражении она одержала победу и добилась желаемого. С этого момента хозяйкой в доме стала молодая

⁵ Королева Великобритании в 1910–1936 гг., супруга короля Георга V.

⁶ Супруга короля Георга VI и мать Елизаветы II.

маркиза, и ни в доме, ни в поместье, ни в деревне ни у кого не осталось на этот счет никаких иллюзий.

По этой и по многим другим причинам, простым и сложным, Чарльз восхищался своей матерью и уважал ее самодисциплину. Он восхищался даже тем, как она уживалась с глупостью своего мужа, никогда не упоминая этого факта и не выказывая ни малейшего раздражения. Он знал, что и сам, пусть и не был настолько же туп, как его отец, особой сообразительностью не отличался. Мать хорошо направляла его по жизни, не давая слишком отчетливо осознать свои изъяны, но тем не менее они не были для него тайной. По всем этим причинам ему бы очень хотелось порадовать ее, когда дело дойдет до выбора спутницы жизни. Он был бы очень рад на каком-нибудь приеме с охотой в Шотландии или лондонской вечеринке найти именно такую женщину, какую его мать хотела бы видеть его женой. По идее это должно быть несложно. Должна же быть на свете какая-нибудь дочь пэра, выросшая в старом, добром, знакомом мире, которому леди Акфилд доверяла, умная, сообразительная и элегантная. Его мать не особо любила неброских деревенских девиц с их пушистыми волосами и юбками из благотворительных магазинов. И чтобы эта девушка могла его развеселить, а он бы гордился ею и не сомневался в ней, и ее появление многое изменило бы в его жизни.

Но, сколько он ни старался найти такую девушку, она все не появлялась. Ему попадалось немало приятных юных леди, которые старались изо всех сил, но... той самой среди них не было. Именно поэтому, наверное, у Чарльза было одно важное убеждение, на которое он ориентировался, – простое, как и он сам, но достаточно сильное: если бы он только смог жениться по любви, найти девушку, которая оживляла бы его ум (он высоко ценил, пусть и ограниченную, активность своего мозга) и тело, тогда жизнь, уготованная ему, была бы приятной и осмысленной. Если же он женится пусть и на подходящей кандидатуре, но неудачно, то обратного пути не будет. Он не считал развод возможным вариантом (по крайней мере, не для главы семейства Бротон), и потому если в браке он окажется несчастным, то страдать ему до самой смерти. Короче говоря, он и сам не подозревал, насколько честным и порядочным человеком он был. И оттого его еще больше беспокоило, что он может влюбиться в женщину, которая хотя и не окажется какой-нибудь поп-дивой или акробаткой-наркоманкой, но все же не оправдает надежд его матери.

И потому не без легкой меланхолии пару дней спустя Чарльз позвонил Эдит и снова пригласил ее на свидание.

Глава четвертая

К моему изумлению, очень скоро известие о том, что Эдит и Чарльз встречаются, стало привлекать все больше внимания. Разделы светских сплетен, у которых не нашлось новостей получше, подхватили эту историю, и в их однообразных статьях о том, что самые модные люди едят по выходным, или носят в Париже, или чем занимаются на Рождество, фигурировал теперь и роман Чарльза и Эдит. В то время публика следила за жизнью звезд разинув рот, а так как настоящих звезд для удовлетворения спроса вечно не хватает, то журналисты – даже в менее алчные времена, чем 1990-е годы, – вынуждены вытаскивать на свет божий утомленных светских львиц и бывших телеведущих, чтобы как-то заполнить пробел. По иронии судьбы, именно заурядность Эдит сыграла ей на руку. Кто-то увидел ее Золушкой наших дней, обыкновенной работающей девушкой, вдруг оказавшейся в стране своей мечты, и в одном из воскресных выпусков опубликовал очерк, озаглавленный «Эдит Лавери – новое открытие». К очерку прилагались несколько крупных и очень ярких фотографий.

Она тут же вошла в моду. Сперва Эдит злило, что ее постоянно представляют как девушку, отчаянно стремящуюся повысить свой социальный статус, но постепенно, когда изначальная причина интереса прессы скрылась под наплывом статей в модных журналах, разнообразных церемоний вручения наград и приглашений на телевидение, Эдит вошла во вкус, внимание ей понравилось. Ситуация, когда за вами охотятся папарацци, соблазнительна тем, что постепенно вам начинает казаться, раз столько людей интересуется ваша жизнь, ваша жизнь действительно интересна, и Эдит хотелось верить в это не меньше, чем всем остальным. Конечно – и я подозреваю, неизбежно, – она все реже вспоминала, что становится все популярнее только потому, что так внезапно стала популярна. Однажды я присутствовал на благотворительном обеде, куда ее пригласили вручать награду от какой-то желтой газетки, и помню, как потом она критиковала остальных ведущих: какие ужасные все эти спортивные комментаторы и гуру из мира моды, зачем их вообще пригласили? Я заметил, что даже самый непритязательный спортивный комментатор так или иначе заработал свою славу, чего нельзя сказать о ней. Эдит улыбнулась, но я понял, что она обиделась на меня. Она очень рано, опасно рано начала верить собственной славе.

Все эти фотоснимки и строчки в светской хронике показывали, что каким-то загадочным образом она начала одеваться лучше и дороже, чем раньше. Не знаю уж, как ей это удавалось, но не думаю, что она брала деньги у Чарльза. Возможно, она заключила одну из тех сделок, когда дизайнеры одалживают вам одежду на вечер, если есть вероятность, что вы попадете в газеты. А может, раскошелилась миссис Лавери. Если у нее были на это деньги, она точно не стала бы возражать.

Все это время я видел Эдит значительно реже. Сейчас я уже не уверен, продолжала ли она работать на Милнер-стрит, но скорее да, потому что она была не из тех, кто считает цыплят до наступления осени. И все-таки ей определенно теперь было с кем проводить обеденные перерывы. Но однажды, в марте следующего года, через несколько месяцев после того, как она начала встречаться с Чарльзом, я увидел ее на углу Остралиан-стрит, она ела сэндвич с тунцом, и, купив себе выпить, я подошел к ее столику.

– Привет, – сказал я. – Можно к тебе присоединиться или ты предаешься уединенным размышлениям?

Она подняла на меня взгляд и удивленно улыбнулась:

– Садись. Ты-то мне и нужен.

Она была рассеянна и серьезна и совсем не похожа на непроницаемую блондинку, к которой я привык.

– Что нового?

– Ты, случайно, не собираешься к Истомам в следующие выходные?

– Нет. А надо?

– Было бы жутко удобно, если бы собирался.

– Ну, ничего другого у меня не запланировано. Я, наверное, могу просто позвонить и напроситься в гости. А зачем?

– Мать Чарльза устраивает званый ужин в Бротоне в субботу, и я хочу, чтобы там были и мои люди. Мне кажется, Дэвид и Изабел не отказались бы.

– Шутишь?

– Именно. Ты мне нужен, чтобы их немного успокоить. Чарльзу ты нравишься.

– Чарльз меня не знает.

– Ну, он тебя видел, по крайней мере.

Я понимал, что ее тревожит. Она устала быть невидимкой. Быть постоянно в окружении людей, которые, не задумываясь, решают, что, если бы она стоила знакомства, они бы уже были знакомы. Ей нужен был знакомый, которого не нужно было бы представлять Чарльзу.

– Я приеду, если Изабел сможет оставить меня ночевать.

Она кивнула с благодарностью:

– Я бы предложила тебе остановиться в Бротон-Холле, если бы могла.

– Изабел мне бы этого в жизни не простила. Ты их раньше приглашала?

– Нет. – Заметив мое удивление, она пожала плечами. – Я сама там была буквально несколько раз, всегда по какому-то конкретному поводу и только на одну ночь, и ты же знаешь, какие они...

Я знал. Мне достаточно было вспомнить горящие глаза Дэвида в Аскоте, чтобы все прекрасно понять.

– Ну и как оно вообще? Про вас постоянно пишут в газетах. – (Она покраснела. Вот глупышка!) – И еще я видел тебя в «Утре с Ричардом и Джуди».

– Боже. Да у тебя, наверно, не все гладко, раз ты по утрам дома сидишь.

– У меня было воспаление миндалин, и потом – Джуди мне даже нравится. Она всегда такая встревоженная и настоящая. И ты тоже неплохо смотрелась.

– Правда? – поразила она. – А мне показалось, я выглядела полной дурой. Я не против фотографов, но стоит мне рот раскрыть, как я становлюсь похожа на полоумную. Уверена, они меня пригласили только потому, что Тара Палмер-Томкинсон отказалась.

– А она отказалась?

– Не знаю. Я сочиняю на ходу.

– Может быть, попробовать вообще ничего не говорить?

– Вот и Чарльз говорит то же самое, но это ничего не изменит. Они все равно потом цитируют.

Совершенно справедливо.

– Вы с Чарльзом – великолепная команда, твоя мать, должно быть, в восторге.

Эдит закатила глаза:

– Она вне себя. Она все боится, что застанет в душе Бобби, а все остальное окажется сном.

– А такое может случиться?

Лицо Эдит окаменело и превратилось в светскую маску, которая более уместно смотрелась бы в оперной ложе в *belle époque*⁷, чем в этой забегаловке.

– Нет, не думаю.

⁷ Прекрасная эпоха (*фр.*); условное обозначение периода европейской (в первую очередь французской и бельгийской) истории между последними десятилетиями XIX в. и 1914 г.

Я приподнял брови:

– Поздравления будут уместны?

– Пока нет, – твердо сказала она. – Но обещай, что приедешь в субботу. Восемь часов. Черный галстук.

– Хорошо. Но обязательно предупреди Изабел. Хочешь, я напишу леди Акфилд?

– Нет-нет. Я все сделаю сама. Только приходи.

Когда вечером того же дня я позвонил Изабел, оказалось, что Эдит с ней уже поговорила, и нам не составило труда условиться о деталях. И вот, несколько дней спустя, я оказался в гостиной Истонов, мы собрались выпить по стаканчику перед тем, как отправиться в путь. Дэвид недовольно ворчал, стараясь скрыть бьющее ключом возбуждение от того, что ему наконец-то предстоит ступить в эту неприступную цитадель. Изабел волновалась значительно меньше, а потому и меньше боялась, что кто-нибудь заметит ее чувства.

– А может быть, это благотворительный обед в пользу чего-нибудь? – хихикая, говорила она, когда я вошел.

– Не знаю, – отозвался я. – А такое возможно?

Дэвид сунул мне в руку стакан. Виски у него в доме всегда было теплое, и мне это уже давно надоело. Он вычитал где-то, что настоящие джентльмены не держат в доме льда.

– Изабел считает, что они собираются объявить о помолвке.

Такая мысль, естественно, и мне приходила в голову, и это могло объяснить, почему Эдит так нужны были приглашенные и с ее стороны, но еще няня научила меня опасаться очевидных объяснений.

– Но в этом случае пригласили бы и ее родителей, как я понимаю?

– Может быть, их и пригласили.

Неплохая мысль. Я представил, как Стелла Лавери поднимается к себе в комнату, а там горничная уже распаковала ее чемоданы и разложила на кровати вечернее платье, и искренне за нее порадовался. Каждый заслуживает в своей жизни несколько мгновений Ничем Не Замутненного Счастья.

– Ну, очень скоро мы все увидим своими глазами.

Изабел посмотрела на часы:

– Не пора ли нам выходить?

– Нет. У нас еще полно времени. – Теперь, уже почти вонзив когти в свою добычу, Дэвид мог позволить себе немножко с ней поиграть. – Еще по стаканчику?

Но последнее слово осталось за Изабел, и мы отправились в путь, нанести первый, но, как каждый из нас втайне надеялся, не последний частный визит в Бротон-Холл.

Дом выглядел так же неприветливо, как и в прошлый раз, но теперь мы знали, что твердыня пала, и от этого осознания даже внушаемая этим домом робость была приятна. Мы подошли к той же самой двери и позвонили.

– Я вот думаю, тот ли это вход? – произнесла Изабел, но никто из нас не успел ей ответить – дверь открылась, и дворецкий проводил нас наверх, в Красную гостиную.

Кажется, меня удивило, что Бротоны принимают гостей в тех же самых комнатах, куда приходят с экскурсией туристы. Я-то ждал, что меня пригласят в какую-нибудь другую, более фешенебельную гостиную на первом этаже, где портреты и мебель эпохи Людовика XV будут сдобрены мягкими диванами, куда сядь – утонешь, – именно так обычно бывают обставлены подобные церемонии. Мне предстояло убедиться, что мои несмелые предположения были верны: нам подали аперитив в Красную гостиную, а столы накрыли в Парадном обеденном зале, что должно было сразу же выдать суть происходящего. В любом случае, когда я вошел в комнату и увидел у камина миссис Лавери рядом с тучным лордом

Акфилдом, я все понял. Эдит одержала победу, и мы присутствуем при ее триумфальном шествии.

Леди Акфилд вышла нам навстречу. Невысокая, хрупкая, привлекательная женщина, в молодости она, должно быть, была невероятно хороша, но изначально совсем не производила сильного впечатления, от нее даже будто веяло домашним уютом. Первые впечатления нередко бывают обманчивыми, но еще никогда мне не приходилось настолько ошибаться в человеке, как в тот раз. Когда она заговорила, голос у нее оказался легкий, звонкий, как колокольчик, но с той проникновенной интонацией, с какой в войну читали новости по радио.

– Ужасно мило с вашей стороны, что вы пришли. – Она улыбалась нам, просто светясь от радости. – Вам ведь пришлось приехать из самого Лондона. – Эти слова были уже обращены непосредственно ко мне. Сказано было затем, чтобы показать, что она выполнила домашнее задание и потому отлично знала, кто я и откуда.

– Это приглашение – большая честь для нас. – Знакомая игра, я знаю все ответы наизусть.

– Что вы! Мы просто счастливы, что вы к нам пришли!

Леди Акфилд сказала это с той настойчивой интимностью, что пронизывала все ее реплики, как будто по-настоящему смысл ее слов мог понять только тот, с кем она в данный момент говорила. Сейчас я могу сказать, что она самая великолепная светская львица, с какой мне довелось свести более-менее близкое знакомство. Она была крайне уверена в себе. Она была самой красивой из дочерей богатого графа, и по молодости лет я предположил, что в ее уверенности нет ничего удивительного. Однако теперь мне известно, что такие вещи не всегда взаимосвязаны, а позже я узнал, что ей выпало не меньше неприятностей, чем каждому из нас. Может быть, они сделали ее сильнее, а может быть, сильный характер достался ей от рождения. Каковы бы ни были причины, к моменту нашей первой встречи она была законченной и неуязвимой перфекционисткой, и любые компромиссы были для нее немыслимы. Все вечера, где мне случалось присутствовать по ее приглашению, были выстроены тщательнейшим образом, от сорта картофеля до расположения подушек на кушетках – ничто не оставлялось на волю случая.

И конечно, как только она произнесла: «Я так рада видеть у нас друзей нашей дорогой Эдит», я понял, что будущая невестка ей не нравится. Вообще, «не нравится» не совсем верное выражение. Ее изумляло, что собственный сын женится на девушке, с которой она не только не была знакома – о которой она даже не слышала. Она поверить не могла, что друзья этой девушки не дети ее собственных друзей. Поразительно, что Эдит вообще попала к ним в дом. Как это случилось? Подобные размышления, к несчастью для Эдит, навели леди Акфилд на мысль, что ее Чарльза окрутила какая-то авантюристка, и хотя позже (значительно позже) она смягчила свое мнение, окончательно она от него так и не отказалась. И честно говоря, я совсем не уверен, что она ошибалась.

Мы с Изабел медленно дрейфовали к камину.

– Добрый день, миссис Лавери, – произнес я.

Мать Эдит обернулась к нам с той фатальной робкой величественностью, что с первого взгляда выдает тех, кому удалось-таки всеми правдами и неправдами пробиться в высшее общество. Эта манера поведения недвусмысленно сообщает их настоящим ровням, что мосты сожжены, пути назад нет и быть не может. На месте нашей старой знакомой, энергичной, высокомерной миссис Лавери вдруг оказалась Снежная королева.

Почти нехотя, как будто зная нас не лучше, чем лорд Акфилд, она представила нас хозяину.

Он с добродушным безразличием пожал нам руки.

– Вот здорово, – сказал он. – Вам очень трудно было добираться?

– Мы с мужем живем в Рингмере, – ответила Изабел. – Это недалеко.

– Правда? – отозвался лорд Акфилд. – Пробок на дороге много было? Стоит синоптикам пообещать хоть лучик солнца, как все эти чертовы бедолаги тут же бросаются вон из города. Трудно было доехать?

Изабел собралась было снова пуститься в объяснения, что ей совсем не пришлось ехать из Лондона, но я спас ее.

– Я приехал поездом, – вставил я.

– Очень разумно. – Он широко улыбнулся нам своей румяной улыбкой и кивком показал, что мы можем идти.

Маркиз Акфилд был человек глупый и неинтересный, но в целом совершенно безобидный. Всю жизнь, как это свойственно людям вроде него, лорд Акфилд окружал себя подхалимами: бедные родственники, седьмая вода на киселе, и вовсе случайные люди – с ними ему было хорошо и уютно. Отец Чарльза был так безнадежно избалован их обществом, что понятия не имел, насколько глуп и неинтересен он сам. Его банальные и неграмотные суждения встречали с таким восторгом, будто их произнес сам Соломон, а его несмешные, бородастые шутки вызывали оглушительные взрывы хохота. Если только практический опыт и превратности судьбы закаляют наш характер, стоит ли удивляться, что типы вроде лорда Акфила так вопиюще бесхарактерны? Даже когда лорда не было поблизости, люди хвалили его мудрость и проницательность, хотя ни того ни другого и в помине не было. А все потому, что если им удалось убедить себя, что они и в самом деле видят в нем эти качества, значит им не придется признаваться самим себе, что они подхалимы, а это в светских кругах очень и очень серьезный мотив. И если вдруг их знакомые, не вхожие в избранное общество, выражали сомнение в мощном уме его светлости, всегда можно вздохнуть в ответ: «Ах, вы бы так не думали, если бы лучше знали его» – и таким образом, во-первых, показать, что находишься в близкой дружбе с представителем одного из Благородных Семейств, во-вторых, иметь возможность похвалить себя за искренность.

Лорд Акфилд не был мелочен или скуп, но был ленив. Именно эта фундаментальная лень накладывает неизгладимый отпечаток на любые дружественные отношения представителей привилегированного сословия. Уже очень давно он решил для себя, что поддерживать отношения с кем-нибудь, кроме лизоблюдов и представителей его собственного сословия, необходимых для поддержания имиджа, – слишком тяжелый труд, и оставил всякие усилия, но решение это было подсознательное, так что он до сих пор считал себя человеком добрым и сердечным. И по правде говоря, позднее он всегда был добр к Эдит. В нем не было ничего достойного восхищения, но и снобом он тоже не был, и вообще-то, кроме всего прочего, он был очень рад, что она такая хорошенькая.

Я заметил, что стоявший в дверях дворецкий переглянулся с леди Акфилд. Она кивнула, профессиональным взглядом окинула комнату и подошла ко мне:

– Обед подадут буквально через минуту. Не могли бы вы проводить к столу леди Тенби? – Она легким жестом указала на дородную особу лет шестидесяти с лишним, втиснувшуюся в кресло у камина.

Я кивнул, пробормотал нечто неразборчивое, и леди Акфилд продолжила свое кружение по комнате. Мы прибыли почти последними, так что, я думаю, всем остальным партнеров уже назначили.

Я направился к своей будущей спутнице, размышляя, хватит ли у меня сил вырвать ее из тесных объятий кресла. Она подняла на меня глаза и протянула мне толстую, украшенную кольцами и браслетами руку.

– Вы проводите меня к столу? – спросила она, и я кивнул. – Гуджи так прекрасно умеет все организовать. Надо было ей открыть сеть гостиниц. Помогите мне встать.

Мне всегда становится неловко от этой ребяческой псевдонепринужденности, которая у представителей высших классов выражается в пристрастии к прозвищам. Все у них Тоффи,

Бобо или Снук. Сами они считают, что эти прозвища подразумевают некую игривую легкомысленность, вечное детство, напоенное ароматами нежных воспоминаний о няне, теплой пижаме в детской у камина, напоминая о том, что их объединяет нечто недоступное выскочкам, то есть еще один способ продемонстрировать на людях, как близко они знакомы. Так что детские прозвища служат прекрасной преградой. Новичок зачастую оказывается в ситуации, когда знает некую даму уже слишком хорошо, чтобы продолжать обращаться к ней «леди Такая-то», но недостаточно, чтобы называть ее «Колбаска», а если он воспользуется ее настоящим именем, то продемонстрирует всем и каждому, что он и вовсе с ней не знаком. И завязавшаяся было дружба вязнет в этой неопределенности, вместо того чтобы развиваться так же плавно и естественно, как это принято у представителей других классов.

Дворецкий объявил, что обед подан, моя спутница неуклюже поднялась и теперь тяжело опиралась на меня. Я понял, что по крайней мере в нашем случае предложить даме руку и проводить ее к столу было не пустой данью уважения эпохе короля Эдуарда. Через головы идущих впереди нас я разглядел леди Акфилд. Она что-то весело щебетала остолбеневшему Кеннету Лавери. Это напомнило мне, как министры и лидеры оппозиции парами шествуют в палату лордов, чтобы послушать речь королевы. Во всех кинохрониках и новостях тори обязательно неистово разглагольствуют, обращаясь к неизменно угрюмым и серьезным представителям социалистов. За ними шла Эдит с лордом Акфилдом. На ней было черное бархатное платье с глубоким вырезом и длинными узкими рукавами и никаких украшений. Она была прекрасна и *triste*⁸, как Джульетта в трауре. Подозреваю, она сочла, что было бы бестактностью выглядеть слишком радостно.

Леди Тенби проследила за моим взглядом:

– Очень красивая. Здесь все ясно. Но кто она такая, скажите на милость?

Я улыбнулся ей в ответ:

– Она мой большой друг.

– Ой, – сказала леди Тенби, и дальше мы пошли молча.

Позже я узнал, что графиня Тенби была вдовой и матерью четырех дочерей и, будучи троюродной кузиной леди Акфилд, сильно надеялась заполучить Чарльза для одной из них. Вполне обоснованное желание. Все они были милые, довольно приятные девушки. Любая из них вполне могла составить его счастье. Но в результате только старшая из них, леди Дафна, вышла замуж хоть сколько-нибудь достойно, по мнению своей матери. Муж был из хорошей семьи, но не наследник. Две вышли за неродовитых аристократов, а младшая, самая хорошенькая, уехала в Калифорнию и живет с основателем какой-то довольно мрачной секты. Суть в том, что леди Тенби совсем не была злобной или вздорной женщиной, но она вложила много труда в своих дочерей и получила более чем скромное вознаграждение. И вот сегодня ей предстоит присутствовать при торжестве незнакомки, которая под покровом ночи прокралась в их лагерь и сбежала с самой жирной овцой. Конечно, леди Тенби будет дарить улыбки, поздравления и поцелуи, но потом придет домой и расскажет, как великолепно держались Гуджи и Тигра, так что никто и не догадался, насколько они разочарованы, и что девушка в конце концов на редкость хорошенькая, и кажется, Чарльз ей так нравится. Чем навеки заклеят Эдит удачливой чужачкой.

Обед был превосходен, что меня удивило. Я-то ожидал обычные деревенские блюда, какие подавали на таких сборищах во времена моих родителей – там еда скорее напоминала кухню начальной школы для девочек, чем столовую благородного дома. Однако я недооценил умение леди Акфилд предусмотреть все до мелочей. Слева от меня сидела леди Тенби, и во время первой перемены блюд мы поддерживали беседу с классическим лейтмотивом: «Ах, вы актер? И где же я могла вас видеть?» – такие разговоры всегда приводят меня в

⁸ Печальна (*фр.*).

уныние. Но когда унесли тарелки и правила хорошего тона позволили мне повернуться к моей соседке справа, я оказался лицом к лицу с довольно суровой на вид, но интригующей женщиной примерно моего возраста, которая представилась как Кэролайн, сестра Чарльза.

– Так вы старый друг Эдит? – спросила она.

– Уж не знаю, насколько старый. Я знаком с ней года полтора.

– Дольше, чем мы, – с резким смешком произнесла Кэролайн.

– И как вы думаете, она вам понравится?

– Пока не составила еще мнения, – ответила моя собеседница, глядя, как Эдит слегка кокетничает с будущим свекром. – По правде говоря, лично мне она может и понравиться. Но вот будет ли ей все так же нравиться Чарльз? Вот в чем вопрос.

Конечно, вопрос заключался именно в этом. Вслед за Кэролайн я посмотрел туда, где сидел Чарльз. Его тяжеловатое, добродушное лицо выражало задумчивость над тем, что, по всей вероятности, являлось несложной интеллектуальной проблемой, поставленной перед ним собеседником. Я подумал: готова ли Эдит примириться с тем, насколько он в действительности несообразителен? И кстати, насколько безрадостной и однообразной может быть жизнь в сельской усадьбе. Кэролайн прочла мои мысли.

– Знаете, здесь чудовищно скучно. Я надеюсь, Эдит к этому готова. Цветочные выставки все лето, замерзшие трубы всю зиму. Она любит охоту?

– Она ездит верхом, так что и охотиться, наверное, сможет.

– Хотя, может, это не важно. Все равно оппозиция со дня на день запретит охоту.

– Может, она тоже не одобряет охоту. В наше время невозможно угадать заранее, не спросив.

– О, сомневаюсь, чтобы Эдит не одобряла кровавых видов спорта, – осторожно сказала Кэролайн. – На мой взгляд, вид у нее достаточно плотоядный.

– А вы? Вы любите охоту?

– Нет, что вы! Терпеть не могу деревню! Я даже в Гайд-парк стараюсь не ходить.

– Чем занимается ваш муж? Или об этом все спрашивают?

– Так и есть. Но я все равно отвечу. Рекламой в основном, но еще он организует благотворительные мероприятия.

Я часто думаю, как просто, должно быть, было жить сто лет назад, когда каждый ваш знакомый мужского пола мог либо служить в армии или во флоте, либо быть священнослужителем или землевладельцем. Мне становится неуютно оттого, что то и дело приходится слышать о профессиях и должностях, о существовании которых я и не подозревал. Специалист по подбору кадров или фьючерсам, управлению кредитом или по связям с общественностью. Когда они начинают объяснять подробнее, мне каждый раз кажется, что они пытаются скрыть, чем занимаются на самом деле. Может, во многих случаях так оно и есть.

– Он увлечен каким-нибудь конкретным благотворительным проектом?

– А как вы познакомились с Эдит? – перебила Кэролайн, которую, похоже, занятия мужа интересовали так же мало, как и меня. Я рассказал про Истонов. – А я-то думаю, что они здесь делают. Забавно, что мы раньше не встречались. Они так близко живут.

Хорошо, что Дэвид сидел от нас далеко и не слышал этого. Затем мы перешли к более общим темам, и вскоре я узнал, что леди Кэролайн Чейз была из тех дворянских детей, кому удается выбрать стиль жизни, убеждения, спутника жизни и место жительства вопреки своему воспитанию, но тем не менее принести свой снобизм абсолютно нетронутым в новую жизнь. Она мне понравилась, но по-своему она была не менее высокомерна, чем ее мать, только ей, пожалуй, не хватало уверенности леди Акфилд в собственном моральном превосходстве. Для леди Акфилд ее собственное социальное положение было предметом веры, для Кэролайн – просто действительностью.

Обед продолжался, на десерт подали нечто вроде яблочного сорбета, потом сыр, и я уже ожидал, что хозяйка сейчас уведет с собой дам, оставив нас предаваться вялым рассуждениям о политике, потягивая портвейн, как вдруг с удовольствием отметил, что пустовавший до сих пор бокал рядом с моей тарелкой наполняется шампанским. Момент настал.

Лорд Акфилд поднялся:

– Я думаю, все мы знаем, зачем собрались здесь сегодня. – (Полагаю, так оно и было, хотя кое-кто из присутствующих все-таки выказал некоторое удивление. Сам Кеннет Лавери, сидевший рядом с леди Акфилд, казалось, был крайне удивлен.) – Мы собрались здесь для того, чтобы поприветствовать пополнение нашей семьи.

Я посмотрел на застывшую от счастья миссис Лавери, ее посадили справа от лорда Акфилда. Сегодня, один-единственный раз, все права старшинства были отброшены. Помоему, никогда больше она не оказывалась за столом на таком почетном месте.

– Поднимем бокалы. За Эдит и Чарльза!

Задвигались стулья, чертя по паркету, запыхтела рядом со мной леди Тенби, мы встали.

– За Эдит и Чарльза!

Мы выпили и сели, а бедняга Чарльз, красный как рак, попытался произнести что-нибудь вроде ответной речи необычно хриплым голосом:

– Мне нечего сказать, честное слово. Кроме того, что мне необычайно повезло и я считаю себя очень счастливым человеком.

– Ура, ура!

Послышались одобрительные возгласы, со всех сторон раздались комплименты и пожелания. Я наблюдал за Эдит. Она смотрела на Чарльза с таким чистым, открытым обожанием, что напомнила мне Элизабет Тейлор в «Национальном бархате». В той сцене, где ей дарят коня. Не знаю, переняла Эдит это у невесты своего бывшего ухажера четыре года назад, или просто решила, что это будет самый лучший способ оградить себя от критики, или, по крайней мере в тот миг, она его действительно обожала. Вероятно, всего понемножку. Я обернулся и увидел леди Акфилд, она наблюдала за мной, на очаровательном кошачьем личике играла мягкая, тщательно выверенная улыбка. Я посмотрел на нее в ответ, и она слегка приподняла брови, а затем встала – и все поднялись вслед за ней. Я не мог бы с уверенностью сказать, что именно она хотела выразить этим загадочным взглядом.

Возможно, Кэролайн озвучила то, что пришло в голову всем или, по крайней мере, мне, прошептав:

– Ну вот, она добилась своего. Надеюсь только, что она знает, на что идет.

Глава пятая

Не часто мне случалось принимать участие в чем-то, что хоть отдаленно могло бы сойти за важное событие светской жизни. И уж тем более – событие, заинтересовавшее широкую публику. Но к тому времени Эдит уже стала малой героиней бульварных газет, и когда ей и вправду удалось подцепить свою рыбку, те самые журналисты, что открыли ей путь наверх, бросились с жадностью пожирать плоды своей прозорливости. Они превратили ее в легенду, и она их не разочаровала. Одно за другим поступили предложения от «Хелло!» и от «ОК!» – леди Акфилд очень повеселилась – по поводу публикации эксклюзивных репортажей со свадьбы, и хотя им, естественно, ответили отказом, страсти не утихали. Думаю, сперва миссис Лавери не поняла, почему газетчиков не пустили на порог. Подозреваю, она не отказалась бы увидеть Эдит и Чарльза, рука об руку, на обложке, в окружении благородных отпрысков родственников Чарльза, но когда она едва заметно намекнула об этом леди Акфилд, та, к ее ужасу, обернулась к Эдит и сказала:

– У вашей матери редкое чувство юмора. Я чуть было не поверила, что она всерьез.

Естественно, миссис Лавери смеялась до слез от одной мысли, что чуть было не провела леди Акфилд! И никогда больше не упоминала об этом. Как бы там ни было, по самым разным причинам я был чрезвычайно польщен и преисполнен любопытства, когда мне предложили быть шафером на свадьбе, которой предстояло стать свадьбой года – по крайней мере, так писали в газетах.

Я получил приглашение от Чарльза, он написал мне своим очаровательным округлым почерком, несмело интересуясь, не мог бы я оказать ему такую услугу. Актеру всегда нелегко заранее обещать участвовать в светском мероприятии – и не в последнюю очередь из-за неписаного театрального закона, который гласит: если ты придаешь хоть малейшее значение чему-то, кроме работы, значит таланта у тебя нет и в помине. Наверное, если бы мне предложили главную роль в «Бен Гуре», я бы отказал Чарльзу, но я был намерен во что бы то ни стало сыграть свою роль в «Апофеозе Эдит».

Изабел позвонила мне тем же утром:

– Я так понимаю, шафером будешь ты? Дэвиду не предложили.

Я ответил так, как подсказывал мне мой долг: что это несколько бессердечно и я понимаю, как ей нелегко.

– Должна сказать, что я тоже так думаю. Знаешь, мне и вправду нелегко. Он страшно дуется, тоска смертная, а ничего не поделаешь.

Делать тут действительно нечего, ответил я, и, в конце концов, я единственный из друзей Эдит, кого Чарльз встречал еще до знакомства с ней.

– Я ему говорила то же самое, но ты же знаешь Дэвида.

– А ты?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты в этом принимаешь хоть какое-то участие? Я думал, Элис будет подружкой невесты или что-то вроде того.

Элис – старшая дочь Истонов. Совершенная дурнушка, но при этом очень милая.

– Нет. – В голосе Изабел сквозило разочарование. – Эдит попробовала предложить, но, очевидно, там и так были толпы претендентов, а потому она решила, что будут только маленькие пажи. Так значительно милее, – уныло протянула она. Было понятно, что это еще не все. – Я тут подумала про мальчишник для Чарльза.

– Ты о чем?

– У него будет мальчишник?

– Не знаю. Наверное.

– Но тебя не приглашали?

– Нет. А должны были?

– Да нет, просто Дэвид тут подумал, может, ему или вам вместе стоит что-нибудь такое организовать... – Она замолчала.

– Да брось ты! Мы его едва знаем. Как тебе такое в голову взбрело!

– Пожалуй, ты прав. – (Я подумал, не сидит ли Дэвид в той же комнате.) – Можешь дать нам знать, если тебя пригласят?

Одержимость Дэвида начинала угнетать. Он, очевидно, уже завел привычку время от времени небрежно упоминать Чарльза в разговоре и настроился, что так теперь будет всегда, и настоящим бесчестьем для него было публичное исключение из круга близких друзей Чарльза.

– Ладно, – обещал я. – Но меня точно не пригласят.

Но вышло так, что месяц спустя, за десять дней до свадьбы, меня пригласили. Наверное, кто-то из гостей в последний момент отказался. Через неделю, за три дня до великого события, двенадцать приглашенных должны были лететь в Париж. Билет мне доставил курьер на велосипеде, и от меня требовалось только быть готовым к назначенному часу, когда за мной заедут. Самолет вылетал из аэропорта в Сити. Вместо того чтобы позвонить Изабел, я набрал номер Эдит:

– Меня позвали на мальчишник к Чарльзу.

– Знаю. Я ни при чем, он сам так решил. По-моему, будет весело, как ты думаешь? Обожаю парижский «Риц».

– Дэвида, я так понимаю, не пригласили?

– Нет. Все устраивают и оплачивают Генри Камнор и Питер, дядя Чарльза, так что он не может всех пригласить.

– Чур, не я сообщу об этом Дэвиду.

– Я уже сказала Изабел. – Эдит помолчала. – Честно говоря, они начинают меня утомлять. Изабел мне очень нравится, но они все время стараются быть такими «лучшими друзьями». Я чувствую себя героиней Анжелы Брэзил. В конце концов, я не очень хорошо знаю Дэвида, а Чарльз с ним едва знаком.

– Милая моя, – глубокомысленно заметил я, – это только начало.

В три часа пополудни в следующую субботу шофер в форменной куртке и фуражке позвонил в мою полуподвальную квартирку и схватил багаж, ожидавший его у порога, чтобы отнести в машину. Я позволил себе купить новый чемодан в честь знатной компании, с которой мне предстояло путешествовать, и потому мне было особенно досадно, когда шофер на лестнице шарахнул его об угол и выломал одну из ручек. В результате, несмотря на мою опрометчивую расточительность, всю дорогу я чувствовал себя оборванцем. *Sic transit gloria mundi*⁹ или, вернее, *sic transit gloria transit*¹⁰.

Генри Камнор уже сидел в машине, его тучные тела растеклись по заднему сиденью в широких складках рубашки от «Тернбулл и Ассер», так что свободной оставалась только узенькая полоска кожаной обивки. Усаживаясь рядом, я чувствовал себя Кэрри Фишер под боком у Джаббы Хатта. С Генри я был чуть-чуть знаком, судьба распорядилась так, что мы учились в одной школе, только в разные годы, и это служило мне некоторой защитой от его избранности, правда очень слабой. В любом случае я знал, чего от него можно ожидать, потому что Эдит с большим юмором описала мне свое «первое свидание» с Чарльзом.

Слева от водителя сидел еще один пассажир, которого мне бегло представили как Томми Уэйнрайта, и я узнал в нем одного быстро восходящего парламентария, если в

⁹ Так проходит земная слава (лат.).

¹⁰ Прощай надежда прокатиться с шиком (лат.).

то время вообще можно было говорить о парламентских успехах применительно к тори. Насколько я помню – из резюме, которые так любят помещать в воскресных выпусках газет с цветными иллюстрациями, – он был младшим сыном пэра от внутренних графств, и потому было несколько неожиданно, что он оказался среди счастливицов, кому улыбнулась судьба в лице миссис Тэтчер – она не особо жаловала аристократию. Он был высокого роста, чтобы не сказать долговязый, его круглое лицо выражало неизменное дружелюбие, а волосы уже начали редеть. В целом он выглядел так, будто уже сейчас готовился стать старым хрычом, но позже мне довелось узнать, что это не тот случай. Он обернулся ко мне, поздоровался и с улыбкой пожал мне руку, чем сразу же на три очка опередил неприступного Генри, и мы тронулись в путь.

По дороге в аэропорт мы говорили о политике, и меня немало позабавил контраст между двумя моими спутниками. Томми привел несколько причин, почему дела консерваторов так плохи. Все они в целом были достаточно разумны, и их вполне стоило обсудить, но Камнор выдал в ответ ворох нелепых утверждений, все до единого самодовольные и безнадежно старомодные. Скорее всего, он перенял их от своего покойного отца (вместе с манерой одеваться) и даже не дал себе труда над ними задуматься. Чувствуя, что тоже должен внести свою лепту, я заметил, что непохоже, чтобы упомянутая партия особенно ловко строила свои отношения с людьми искусства.

Камнор наклонился ко мне всей своей тушей:

– Дорогой мой, сколько человек составляют то, что вы называете людьми искусства? Речь идет о тысячах, а не о сотнях тысяч или миллионах. Знаете, сколько человек входят в Профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих? Взгляните в лицо фактам – нравится вам или нет, но те, кого вы зовете людьми искусства, ничего не значат. – Он удовлетворенно откинулся на спинку сиденья, не сомневаясь, что убедил нас в своей правоте.

– Сорок миллионов людей каждый вечер включают телевизоры, чтобы узнать, что им думать, – вставил Томми. – Что может быть важнее?

Никого из нас обсуждаемый вопрос не волновал, но Генри явно раздражало, что Томми встал на мою сторону. Он, видимо, разделял распространенное среди наименее умных представителей его класса заблуждение, будто по любому вопросу, от портвейна до эвтаназии, существует некое «здоровое» мнение, и достаточно только его озвучить, чтобы победа осталась за тобой. Так как обычно они общаются только с теми, кто разделяет их взгляды, с победой особых трудностей не возникает. Томми Уэйнрайт, отказавшись играть по его правилам, рисковал: неповоротливый ум Генри Камнора мог прийти к заключению, что с тех пор, как Томми занялся политикой, его уже нельзя назвать джентльменом в полном смысле этого слова, – классическая реакция на любую оригинальную мысль.

Прибыв в аэропорт и пройдя регистрацию, мы попали в небольшой зал ожидания, где нас приветствовали остальные девять участников вечеринки. Среди них были лорд Питер Бротон, сводный и младший брат лорда Акфилда, и муж Кэролайн Эрик Чейз, с которым мы едва обменялись приветствиями на обеде в честь помолвки. Чейз был чужеродным элементом в клане Бртонов, он был воплощенный яппи. Этакий лохотонный и агрессивный «администратор», чьи разговоры изобиловали избитыми фразами капиталистического толка и упоминаниями его членства в «Бруксе». Самой яркой его чертой было почти патологическое хамство, которое делало его одновременно и менее жалким, и более неприятным, но каким-то странным образом более привлекательным для женщин. Вообразить себе не могу, почему у представительниц противоположного пола (и резко в отличие от нашего собственного) он имел несомненный успех. Наверное, его можно было назвать красивым, этакий гладкий, откормленный красавчик, а довольство собственной внешностью, как и, очевидно, блестящим браком, он демонстрировал постоянной сменой слишком приталенных костюмов из шерсти и твида. Позже я узнал, что его отец работал управляющим на Британской желез-

ной дороге. Они с Кэролайн были очень странной парой, их политические и философские взгляды расходились диаметрально. А разгадка была проста: женившись на ней, он отдавал дань своим правым взглядам, она же вышла за него в угоду своим левым взглядам. Но сами они этого не замечали, потому что, оставаясь наедине, почти не разговаривали. Вот так и случается, что, прожив вместе десять или даже двадцать лет, муж и жена вдруг обнаруживают, что по-разному смотрят на самые основные жизненные принципы.

Чарльз, со стаканом шампанского, подошел к нам, приветливо улыбаясь. Ради Эдит, а может быть, и ради меня самого он твердо намеревался не дать мне почувствовать себя лишним в компании, все члены которой (за исключением Чейза) играли вместе в детской, и он боялся, что они могут повести себя грубо с актером, о котором никогда не слышали. Его забота тронула меня до глубины души, но ему не стоило так волноваться. Я не родился актером. Я не только учился с Камнором в одной школе, с одним из этой компании я дружил в детском саду, с другим общался в год, когда вышел в свет, а в третьем узнал своего знакомого по Кембриджу. А еще я знал, что лорд Питер был одно время помолвлен с кузиной моей свояченицы, так что мне нечего было опасаться. Вот такой тесный мирок все еще существует в стране с шестидесятимиллионным населением уже сто лет спустя после прихода социалистов к власти.

Чтобы еще больше подчеркнуть мое особое положение, когда мы сели в небольшой самолет, специально заказанный по этому случаю, Чарльз выбрал место рядом со мной. Несколько развязный стюард принес нам еще шампанского и жестковатые блины, в которые было завернуто буквально несколько икринок. Мы устроились поудобнее.

– Все это очень мило.

– Я рад, что вы поехали.

– Я тоже.

– Именно вы нас познакомили.

Я рассмеялся:

– Еще рано судить, заслужил я хулу или благодарность.

Чарльз был не в настроении шутить.

– Благодарность. Я думаю, благодарность. – Он помолчал. – Знаете, Эдит считает вас очень умным человеком.

– Как мило с ее стороны.

Он опустил глаза, рассматривая свой бокал:

– Конечно, она такая умница. Вы не могли этого не заметить.

Не могу сказать, чтобы я вообще об этом задумывался. Эдит определенно была далеко не Гертруда Стайн. Интеллектуал в ее представлении – это тот, кто читал последние афоризмы Джона Мортимера. Но все-таки мне бывало с ней довольно весело, а по моему опыту, люди с чувством юмора редко оказываются глупцами.

– Мне всегда приятно ее видеть, а это, наверное, то же самое.

Он улыбнулся, но улыбка получилась кривоватая.

– Ну, будем надеяться, что ей всегда будет приятно видеть меня.

Я пробормотал в ответ что-то неопределенно-утешительное, но он не собирался все так оставить. Он тяжело вздохнул:

– Надеюсь, я ее достоин.

Я сдержал улыбку. Не самое подходящее настроение для начала холостяцкой вечеринки, но тем не менее он говорил от чистого сердца. Как это всегда свойственно таким людям, Чарльз не умел оригинально выражать свои чувства и потому почти неизбежно оказывался загнанным в тесные рамки кинематографических клише при попытке описать любовь, ненависть или что-нибудь еще, не упомянутое в своде правил «Жокейского клуба». Я сказал, что убежден – он достоин ее более, чем кто-либо, и это Эдит повезло, и он оказы-

вает ей большую честь, и так далее. Обычно такие вещи получаются у меня неплохо, но в тот вечер мне не хватило убедительности. Он прервал поток моих утешительных речей:

– Надеюсь только, что достаточно умен для нее. Не хочу я ей наскучить.

Он рассмеялся и слегка приподнял брови, чтобы выдать это за шутку, но я понимал, Чарльз говорит искренне, и знал, что он недалеко от истины. Мне уже приходило в голову, что может наступить день, когда посещение скачек с хорошо одетыми людьми, изрекающими затверженные наизусть мнения, может стать Эдит поперек горла. Но ответить ему мне было нечего. Не мог же я вслух похвалить его проницательность!

– Чарльз, – сказал я, – если от чего-нибудь на этом свете мне и становится не по себе, так это от излишней скромности. Давайте закончим с ней на сегодня.

Он рассмеялся, и настроение сменилось.

Обожаю Париж. Есть города, где хорошо провести время можно, только если тебе поможет кто-нибудь из местных жителей, а есть города, где веселье доступно всем. Один из них – Париж, и местные жители не остаются в стороне. Моя мать сама была слабовата в языках, поэтому очень волновалась, чтобы ее детям не пришлось, как ей, страдать, молча кивая и улыбаясь женам французских дипломатов, изображая на застывшем от напряжения лице стремление к дружбе и сотрудничеству между народами. И потому лет в двенадцать нам всем по очереди испортили хотя бы одни школьные каникулы, отправив пожить в какую-нибудь семью во французской глубинке, причем мама безжалостно проверяла, чтобы там нам не с кем было поговорить по-английски. В результате этих драконовских мер мы все сносно говорим по-французски, что, конечно же, только увеличивает удовольствие от посещения прекрасной столицы этой страны.

Мне не случалось раньше останавливаться в парижском «Рице», хотя я и приезжал в этот город однажды на грандиозный великосветский прием, который являлся частью торжеств по случаю бракосочетания между отпрысками двух блестящих семейств из парижских предместий. Это ослепительный отель, в том смысле, что он скорее принадлежит к забытой эпохе ослепительных отелей (где красавицы в шляпках с вуалями, перед тем как направиться на Ривьеру, небрежно стояли в холле в ожидании, пока горничная не проверит и не пересчитает все двадцать чемоданов, сумок и сундуков), чем к нашему времени – заскочил-перекусил-убежал. Красно-бело-золотой дворец, претенциозный, но очаровательный, совсем не похожий на своих современных собратьев с Парк-лейн, отделанных, как чудовищных размеров парикмахерские. Мне было чрезвычайно приятно войти под эти своды, особенно потому, что платил не я, и даже презрительные взгляды отельных служащих на мой искалеченный чемодан не могли испортить моего удовольствия.

Мы собрались в баре, в строгих вечерних костюмах, в нас с первого взгляда можно было узнать англичан, которые явились сюда с твердым и серьезным намерением повеселиться, и с энтузиазмом принялись за шампанское. Ко мне подошел Томми Уэйнрайт, и я спросил, знает ли он, что у нас запланировано на вечер.

Он пожал плечами:

– Наверное, поужинаем здесь, а потом двинем в какое-нибудь непристойное заведение на левом берегу.

– Скорее всего. Вы давно знаете Чарльза?

– Мы вместе учились в Итоне. Потом я встречался с Кэролайн, но недолго, нам тогда было двадцать лет, так что теперь мы вроде как возобновили знакомство. А вы?

– Да я почти не знаю его. У меня такое чувство, будто я обманом сюда затесался. Просто я познакомил их с Эдит, так что я, можно сказать, представляю здесь ее. Так, проверить, что никто не попытается отговорить его от этого предприятия.

Уэйнрайт улыбнулся:

– Так вы приятель Эдит. Интересно. Я видел ее только мельком. Должен сказать, она настоящая красавица. Но иначе ей и не удалось бы сорвать банк.

– Думаю, скрежет зубовой был слышен на улице, когда объявили о помолвке.

– Это точно, – рассмеялся он. – По-моему, все так разозлились, потому что никто ее не знал. Да и из моих знакомых никто ее не знает. Будто кубок Дерби взяла лошадь, у которой не было никаких шансов. В какой-то момент уже казалось, что она нечто среднее между Элизой Дулитл и Ребеккой. – Это я мог себе представить и так ему и сказал. Он снова улыбнулся. – Мне очень мало о ней известно, но мне кажется, что у нее получится. – Он кивнул в сторону жениха. – Он просто без ума. Очаровательно. Приятно посмотреть. Я очень рад за него.

Вечер выдался на редкость теплый, и управляющий решил накрыть столы во внутреннем дворике. Мягкий камень, покрытый изящной резьбой, созданной под бдительным оком Сезара Рица, и скромный фонтан, прохладно журчавший в сгущавшихся сумерках, вызывали чувство умиротворенности, которому было бы глупо противиться, вне зависимости от политических взглядов. Видит Бог, это и так большая редкость. Изящные европейские пары сидели вокруг нас здесь и там, женщины в бриллиантах, их белые пудели сыто и впустую потягивали. Мне приятно было наблюдать, как богатые предаются наименее противоречивым из своих удовольствий. К сожалению, в этом мире нет места совершенству, и меня усадили рядом с Эриком Чейзом, который немедленно принялся сводить на нет удовольствие от прекрасного вечера.

– Принесите другую бутылку! – грубо и резко бросил он официанту, усаживаясь. – И постарайтесь, чтобы на этот раз оно было нужной температуры. – Он повернулся ко мне. – Мы встречались в доме у родственников, да? – (Я кивнул.) – Вы приходили с этими омерзительными друзьями Эдит? – (Я снова кивнул – определенно я не был готов испортить себе вечер во имя Изабел и Дэвида.) – Где ее вообще угораздило с ними познакомиться?

– Точно не знаю. Я с ними знаком, потому что знаю Изабел с детства.

– Сочувствую. Налить? – Не дожидаясь ответа, он плеснул мне в бокал вина. – Ну, боюсь, малышке Эдит придется чуток пообтесаться и подсутиться, если она хочет проверить это дело.

– Что вы имеете в виду?

– Если она хочет, чтобы ей все сошло с рук. Стать леди Бротон. – Он запел: – «Нам придется кое-что подправить...»

– Ну, не знаю, – отозвался я. – А вам много пришлось потрудиться, чтобы вам сошел с рук брак с Кэролайн?

Конечно, в каком-то смысле я совершал ошибку, и Чейз повернулся к своему соседу с другой стороны, занеся меня в список врагов, но я был доволен, что постоял за честь Эдит. Как и многие агрессивные парвеню, которым удалось вскарабкаться по скользким ступеням социальной лестницы, он был во власти иллюзии, что люди не указывают ему на его неумение держаться в обществе, потому что оно теперь незаметно постороннему взгляду. Он был настолько груб сам, что ему и в голову не приходило верить в чью-либо вежливость. Это была его броня. Меня не огорчило, что мне удалось его задеть. Он мне порядком не понравился с первого взгляда, к тому же в моих словах о том, что я здесь с целью защищать дело Эдит, была доля правды.

Следующая часть вечера оказалась такой неудачной, что никто и представить себе не мог. Нас отвезли в «Ше Мишу» на Монмартре, крошечный клуб, где разнообразные пародисты изображали под фонограмму известных певцов. Идея принадлежала лорду Питеру, который, как выяснилось, – мне кажется, я слышал об этом и раньше, – оказался добродушным пьяницей, но говорили, что он «тот еще тип». Честно говоря, мы все к тому времени уже порядком набрались, так как пили, почти не останавливаясь, еще с лондонского аэропорта. Это, несомненно, помогло нам получить удовольствие от действия, где попала и пара при-

ятных сюрпризов: Гарленд, Стрейзанд, довольно неотразимая Монро и совершенно непохожая Рита Хейворт, выделявшаяся под «Long Ago and Far Away», которую и сама Рита всегда пела под фонограмму. Сколько бы я ни выпил, мысль отправиться спать казалась мне все более заманчивой. Я переглянулся с Томми, который кивнул в сторону двери – дескать, «давай-ка убираться отсюда», – когда на сцену выскочил конференсье:

– А теперь я хочу предложить вашему вниманию особый номер, специально для сегодняшнего вечера, с поздравлениями и наилучшими пожеланиями. Леди и джентльмены, мисс Эдит Лавери!

Я подпрыгнул на стуле, когда парнишка, изображавший Монро, появился в образе Эдит. Эта Эдит была слишком сильно накрашена и двигалась с несвойственной ей нарочитой сексуальностью, но в остальном копия была поразительно точная. Включая платье, которое вполне могло бы быть одним из ее собственных. Я оглянулся на Чарльза. Он был не менее ошарашен, чем все остальные. А Питер, конечно, ухмылялся, как клоун. На сцене мальчик-Эдит запел песенку из «Парней и куколок»:

– «Спроси меня, каково мне сейчас, бедной простушке из простой семьи...» – Покачивая бедрами, она прошла через сцену к Чарльзу, который сидел как окаменевший. – «Ах, сэр, если бы я была колокольчиком, я бы звенела сейчас...»

И вот примерно тогда я и осознал, что каким-то неопределенным и неоднозначным образом происходящее было чудовищным оскорблением для Эдит. Блондинка скакала по сцене, выкрикивая свои глупые стишки о том, как ей повезло, и остальные начали сдавленно хихикать. Чарльз молчал. Артист жестом пригласил его на сцену. Было очевидно, что эта часть тоже была обговорена заранее, но Чарльз покачал головой и остался сидеть с застывшим выражением лица. Мальчик-Эдит в замешательстве посмотрел в ту сторону, где сидели Питер, хохочущий Эрик и еще парочка гостей. Номер застыл и готов был уже совсем прерваться. В следующее мгновение на сцену выскочил Питер, и танец продолжился. Ближе к концу Питеру дали картонную шкатулку, чтобы он подарил ее «невесте», что он и сделал, опустившись на одно колено. Мне вспомнились карикатуры Джиллрея на актрису Элизабет Фаррен, которой в 1790-х удалось выйти за графа Дерби. На дне шкатулки оказалась небольшая корона из театрального реквизита, украшенная яркими цветными стекляшками. С последним аккордом песенки «Эдит» водрузила ее себе на голову.

Отдавая должное Питеру Бротону, хочу сказать, что я уверен: он не понимал, насколько все это вместе может оскорбить Чарльза. И уж точно он совсем не хотел, чтобы вечер закончился именно так, как получилось. Питер был не из самых сообразительных, бедолага, и я помню, что подумал: должно быть, его идея состояла в том, чтобы кто-то просто изобразил Эдит. Само по себе, если бы она просто спела какую-нибудь песню о любви, это могло получиться довольно забавно, но Чейз или кто-то еще немного доработал сценарий. И вышло – думаю, совершенно без ведома Питера, – что ее заклеили алчной авантюристкой в присутствии ее жениха. Чейз и кто-то еще устроили бурную овацию. Они сидели дальше от сцены и не видели лица Чарльза, но, ей-богу, не понимаю, как они могли подумать, что он сочтет это смешным. Однако Чейз из тех, кто оскорбит вас в лицо, а потом спросит: «Ты что, шуток не понимаешь?» Видимо, он настолько часто так поступал, что и вправду начал считать свои оскорбления шутками, а Чарльза или любого, кто их не принимал, тупым занудой.

Чарльз встал:

– Я устал. Пожалуй, мне лучше вернуться в отель.

Томми и я вызвались сопровождать его, чем дело и закончилось. Мы широкими шагами вышли, оставив остальных оплакивать провал розыгрыша Питера.

– Возьмем такси? – предложил Томми.

Было уже поздно, явственно похолодало, но Чарльз покачал головой:

– Ничего, если мы немного пройдемся? Мне хочется подышать свежим воздухом. – Мы шагали молча, пока он не заговорил снова. – Довольно неприятно было, не правда ли?

– Ну, хватит. – Томми был настроен примирительно. – Уверен, они не хотели тебя обидеть. Полагаю, девушка, или парень, или кто оно там, неверно истолковал инструкции.

– Это все Питер.

– Ну...

Чарльз остановился, оглядываясь.

– Знаете, что меня больше всего огорчило? – (У нас обоих было немало предположений на этот счет, но мы, конечно, промолчали.) – Я вдруг осознал, насколько безмозгла большая часть моих знакомых. А ведь это, по идее, двенадцать моих лучших друзей, боже мой! – Он горько усмехнулся. – Мне стыдно за них и стыдно за себя.

Когда мы вернулись в отель пешком через весь Париж, остальные, должно быть, уже давно легли спать. Мы разошлись по комнатам, и я полагаю, в целом вечер следовало бы назвать неудачным, особенно учитывая потраченные организаторами труд и средства, но каким-то странным образом я чувствовал, что вспышка гнева Чарльза в немалой степени успокоила меня. Я не изменил моей оценки его умственных способностей, но не думаю, чтобы до этого вечера я мог оценить по достоинству, насколько глубоко порядочным человеком он был. Это не самое модное качество в наши дни, но тут мне показалось, что счастье Эдит в более надежных руках, чем я предполагал.

Глава шестая

Открыв глаза, она осознала, что сегодня – последнее утро в ее жизни, когда она просыпается под именем Эдит Лавери. С нынешнего дня эта девушка уйдет в небытие, и что бы ни случилось в будущем, она уже не вернется. Эдит осторожно спросила себя, что же именно она чувствует. Очень часто, совершая определенный выбор, только произнеся свое решение вслух, понимаешь, что на самом деле хочешь обратного. И она размышляла, не подсказывает ли ей ее интуиция, что она совершает ужасную ошибку, только потому, что именно сегодня ее решение станет необратимым. Но интуиция не желала играть роль Дельфийского оракула и отказывалась высказывать какое-либо мнение. Она не чувствовала ни восторга, ни уныния – только то, что еще многое нужно успеть. Негромко постучали в дверь, и вошла ее мать с чашкой чая.

Не было бы преувеличением сказать, что в то утро Стелле Лавери казалось, что она вот-вот лопнет от счастья, что у нее сейчас остановится сердце, устав гнать по жилам кровь, кипящую от осознания, что ее честолюбивым замыслам все-таки суждено осуществиться. Было бы неверно сказать, что она с радостью отдала бы дочь наследнику маркиза, если бы он ей действительно не понравился, вот только он физически не мог ей не понравиться, разве что бросился бы на нее с ножом. Честно говоря, не думаю, что она вообще задумывалась о Чарльзе как таковом. Он был приятный малый, неплохо воспитан и не урод, вот и все, так сказать, что она знала, и больше она ничего знать не желала. Разве еще – что завтра ее дочь станет графиней Бротон.

Стеллу слегка раздражало, что Эдит не станет графиней Бротонской, что, по ее мнению, звучало бы романтичнее, и какая досада, что первый из Бротонов, получив графский титул, не попросил еще и немножко подправить ему фамилию. В конце концов, Чолмондели поступили именно так, когда им вручали титулы, и Бальфуры тоже. Конечно, существовала на земле деревушка Чолмондели, а где-то в Шотландии – Бальфур, но разве не нашлось бы места под названием Бротон? Где-нибудь оно обязательно должно быть. Но все-таки, признавая, что всего сразу не получишь, она привыкла и к этой форме и теперь получала немало удовольствия, поправляя знакомых. В конце концов, благословенное благородное окончание рано или поздно тоже достанется ее дочери, вместе с титулом маркизы.

– Доброе утро, дорогая, – прошептала она, вкладывая в эти слова, как ей казалось, бесконечную нежность.

Она понимала, что в эту минуту ей надлежит испытывать грусть оттого, что приходится отрывать от сердца единственное дитя и отдавать чужим людям. Но факт оставался фактом, несмотря на глубокую и искреннюю радость, которую Эдит дарила матери все эти годы, сегодня миссис Лавери была вне себя от счастья. Как говорится, взамен дочери она получала сына, но не только: ей доставалось совершенно новое, как она это видела, положение среди небесных тел. Ворота, не менее ржавые, чем ворота Хэм-Хауса, запертые со дня отъезда последнего из Стюартов, теперь распахивались перед ней повсюду. Или так ей казалось. Стелла Лавери не была круглой душой. Она прекрасно понимала, что только от нее зависит, сможет ли она добиться успеха с помощью этой новой возможности, удастся ли ей понравиться хотя бы некоторым из тех, с кем ей предстояло познакомиться, и особенно леди Акфилд, – так, чтобы они сами захотели ее дружбы. Тогда она сможет стать для Эдит преимуществом, а не оставаться, как она неохотно была вынуждена втайне себе признаться, ее долговым обязательством. И она была достаточно умна, чтобы не торопиться. Мягко, ненавязчиво следует вытащить на поверхность общие интересы, брать и давать почитать книги, обмениваться адресами портных. В то головокружительное утро в ее воображении один за другим возникали ослепительные образы, голографические картинки элегантных удоволь-

ствий, где они вместе с леди Акфилд принимались за легкий ланч, затем спешили к модистке, натягивая длинные перчатки и подавая знак таксисту...

– Доброе утро, мамочка. – Эдит уже привыкла к мечтательной задумчивости, из которой ее мать теперь почти не выходила. Ее не раздражало, что мать получает такое удовольствие от этой свадьбы, она только надеялась, что это не была основная причина, подталкивающая ее в стремнину, которая – Эдит это чувствовала – несла ее, стремительно кружа, к графскому титулу. – Как погода? Дождя нет?

– Нет, погода чудесная. Но нам совершенно некуда спешить. Сейчас всего половина девятого. Парикмахер приедет в десять, затем у нас будет целых два часа, прежде чем прибыть в церковь Сент-Маргарет. Я приготовлю тебе что-нибудь на завтрак, пока ты принимаешь ванну, и на твоём месте я надела бы трусики и накинула только халат. Можешь так и ходить, пока все не будет готово.

– Я не то чтобы умираю от голода.

– Съешь хоть что-нибудь. Иначе тебе станет плохо.

Эдит кивнула и медленно встала с кровати, попивая чай. Это был один из тех моментов, когда она остро ощущала каждое движение своего тела, даже мышцы лица. Каждое слово, казалось, появлялось откуда угодно, только не из ее головы. Она чувствовала себя будто под наркозом, но при этом ей было светло и хорошо и спать совсем не хотелось. Нет, не под наркозом, в оцепенении или даже в гипнотическом трансе. «А не под гипнозом ли я? – подумала она. – Может быть, меня заворожили все бесспорные ценности, которые я впитала с молоком матери? Утратила ли я себя в честолюбивых целях других людей?» Но потом она подумала о Чарльзе, он хороший человек и любит ее; он к этому времени уже очень даже нравился ей. Она подумала о Бротоне и Фелтхэме, втором поместье семьи, в Норфолке. А больше всего она думала о квартире, где сейчас стояла, и о работе в агентстве по недвижимости на Милнер-стрит, о возможностях, которые открывала перед ней одна жизнь, и об упущенных или недостойных упоминания возможностей другой, и с этими мыслями она выпрямилась и, высоко подняв голову, зашагала в ванную. Отец как раз выходил оттуда. Он улыбнулся ей довольно грустно.

– Все хорошо, Принцесса? – спросил он, и она поняла, не успел он договорить, что ему, скорее всего, придется перестать называть ее этим прозвищем, потому что это так провинциально, и приняла твердое решение, что ни за что не даст ему перестать называть ее Принцессой. И нарушила его почти сразу.

– Чудесно. Ты как?

– Чудесно.

Свадьба должна была обойтись Кеннету Лавери в целое состояние, хотя и меньше, чем могла бы, так как леди Акфилд получила разрешение провести прием в Сент-Джеймском дворце. И несмотря на это, и даже именно поэтому Стелла и Кеннет решили, что все остальное они непременно оплатят сами. Они даже отказались от современного и совершенно лишнего очарования обычая, когда ожидается, что родители подружек невесты сами оплатят платья своих дочерей. В конце концов, Эдит – их единственная дочь, и они хотели, чтобы не возникло и тени подозрения, что ее семья не может позволить себе заплатить за ее путь вверх. Миссис Лавери, которая жила будто по сюжету романа Барбары Картленд, даже задумалась, не полагается ли им отписать дочери какое-нибудь приданое, но хотя ее муж и затрагивал эту тему с леди Акфилд, его не поддержали. Вероятно, из-за того, что Акфилдам не хотелось впутываться ни в какие связанные с этим юридические нюансы. В конце концов, как заметила леди Акфилд, мужу перед сном в наши дни нельзя быть полностью уверенным, что брак – это на веки вечные. Эдит была благодарна родителям, что они заботятся, чтобы она могла войти в Бротон-Холл с высоко поднятой головой, но чувствовала, что, кроме этого, есть еще миллионы нитей, которые тянут ее к земле, как Гулливера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.